

Фурсов А.И.

Великая война. Тайна рождения XX века

Для всех вещей, статуй, идолов, классов, положений, для всякого счастья и высоты наступила длительная минута

"борьбы за существование", где они должны "отстоять себя", показав свою "правду", и "жизненность", и

"благодетельность", — не на словах, не риторическую, а деловую. Пришла смерть для всего "ненужного". "Ну, кто

выживет? Кто подлинно нужен?" Вопрос слишком страшный для слишком многого. Недаром у многого и многих

поджилки трясутся... "Вынеси бурю — и останешься жив".

В.В. Розанов

I

100 лет назад, между 28 июля и 6 августа 1914 г., началась война, которую современники окрестили «Великой» и

которая вошла в историю как Первая мировая. Буквально за неделю мир перевернулся. Ему уже никогда не суждено

было стать таким, каким он был в течение столетия — с момента окончания наполеоновских войн.

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Предыстория известна: 28 июня в Сараево Гаврило Принцип убил

наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Австро-Венгрия предъявила Сербии

ультиматум из 15 пунктов. Несмотря на унижительный характер документа, сербы приняли все его пункты, кроме

одного, уж слишком явно растаптывавшего их суверенитет. Германский кайзер Вильгельм II вроде бы счёл сербский

ответ вполне удовлетворительным. Однако австро-венгры 28 июля объявили войну Сербии. Россия как союзница

Сербии объявила мобилизацию. Реакция Германии последовала незамедлительно: России в ультимативном порядке

было предложено прекратить мобилизацию к 12.00 1 августа. Россия не прекратила, и 1 августа 1914 г. Германия

объявила ей войну. Этот день официально считается началом Первой мировой, хотя на самом деле начало растянулось

на целую неделю.

3 августа Германия объявила войну Франции; 4 августа Великобритания — Германии. 6 августа в войну с Россией

вступила Австро-Венгрия. Так в течение одной недели запылала Европа, а затем и весь мир, и это длилось 1568

дней. Как заметил историк Кратвелл, «одна сумасшедшая неделя разрушила мир», со временем втянув в военные

действия 33 страны: четыре — центральные державы (ЦД) и их союзники Османский султанат и Болгария — с одной

стороны, и Антанты и 26 их союзников, с другой. Эту неделю, однако, добавлю я, готовили почти три десятилетия.

Всего за четыре с лишком года войны было мобилизовано около 70 млн. чел. (общая численность армий на январь

1917 г. — 37 млн. чел.); протяженность фронтов составила от 2,5 тыс. до 4 тыс. км; прямые военные расходы достигли

208 млрд, долл. — в 10 раз больше, чем стоили все войны с 1793 по 1907 г. вместе взятые. Неудивительно, что войну

1914—1918 гг. часто называют Великой войной.

Неудивительно? Но ведь Вторая мировая война (1939—1945) многократно превзошла масштаб Первой мировой по

всем параметрам. И, тем не менее, Великая — не Вторая, а Первая. А слова, как заметил однажды британский историк

Э. Хобсбаум, зачастую свидетельствуют лучше документов. Определение «Великая» адекватно отражает суть того, что

произошло, — как в объективном плане, так и, что не менее важно, с точки зрения восприятия произошедшего

большими массами людей. Во-первых, Европа как целое уже столетие, со времён наполеоновских войн, не воевала —

не воевала всерьёз, тотально. Память об этих войнах давно ушла в прошлое, не говоря о Семилетней (1756—1763) и

Тридцатилетней (1618—1648). Отчасти и поэтому войну 1914—1918 гг. называли Первой мировой, хотя на самом деле

она не была первой мировой.

Во-вторых, война 1914—1918 гг., которую я, однако, и далее буду называть Первой, используя привычную, хотя и

неправильную, нумерацию, по своим параметрам никак не укладывалась в прежний социальный опыт живших тогда

людей, в исторический опыт европейской цивилизации. Этот опыт не мог ни объяснить, ни вместить её, что вело к

психологическим потрясениям. С Первой мировой войной пришли новые вкусы, новая мораль, новый быт; с ней

рухнул прежний мир в целом и начал возникать новый. Вторая мировая война была частью, а не нарушением этого

нового бравого — «военно-спортивного» — мира, потому-то и не воспринималась как великая. В ней воевали люди

XX в., готовые к ней психологически. Для них она могла быть страшной, ужасной, но не великой. А в войне 1914 г.

воевали люди предыдущего века или в лучшем случае межвекового водораздела.

Первая мировая «вывихнула век», разрушила связь времен, стала разрывом с цивилизацией, которую К. Поланьи

назвал «цивилизацией XIX в.», или даже «суицидом» (Е. Ихлов) последней. В Первой мировой родился XX век и его

человек, а человек XIX в. умер. Или потерялся на всю оставшуюся жизнь, *закатился*. Первая мировая была *закатной*

войной европейской цивилизации. Эта цивилизация закатилась — в Лунку Истории.

Для людей рубежа хронологических XIX—XX вв. Первая мировая стала изгнанием из чего-то похожего (особенно

ретроспективно) на рай и что действительно, по сравнению с «длинными двадцатыми» (1914—1933/34), было раем, по

крайней мере, для образованных классов, творящих культуру и пытающихся облечь собственные групповые надежды

в форму общих социальных мифов. В любом случае европейская история между Седаном и Сараево (как между

Ватерлоо и Севастополем) была тем временем, которое вполне может породить «синдром Сидония Аполлинария», и в

определённой степени этот синдром соответствовал реальности.

Для людей цивилизации XIX в., воевавших в первой большой войне XX в. и расхлебывавших её последствия по

полной программе, она означала утрату их мира, часто без приобретения нового. Такая травма потребовала мощной

компенсаторики — социальной, психологической (разгул «ревущих двадцатых») и даже литературно-художественной: как заметил один критик, романы Хемингуэя позволили представителям «потерянного поколения» *«быть*

сентиментальными (скрытая жалость к себе. — А.Ф.) *и в то же время ощущать себя мужественно, благородно и*

трагически». Для людей разрыва времен, хроноклазма такое «воспитание чувств» было естественным. И вызвавшая

его война могла быть только великой. По крайней мере, для Запада. У нас же, в России, дело обстоит по-другому.

В СССР Первая мировая (она же «первая германская») Великой не считалась. Причина очевидна: у нас Великая война

— единственная, «одна на всех» — Отечественная (она же «вторая германская»), а двум великим войнам не бывать. И

психологически это вполне понятно: Первая мировая не только проигрывает Второй мировой в масштабе, но и

заслонена от нас ею. 1945 г. ближе к нам, чем 1918 — до сих пор живы ветераны Великой Отечественной. Она

культурно-исторически более значима для России/СССР: во Второй мировой войне угроза для русских была

неизмеримо выше, чем во время Первой: немцы Вильгельма II, в отличие от немцев Гитлера, не ставили задачу

геноцида русских, физического и метафизического стирания их из истории, окончательного решения русского

вопроса.

Если брать не русское, а мировое значение войны 1914—1918 гг., её роль в судьбах XX в., она является Великой не

только по субъективным причинам массового восприятия её людьми (впрочем, массовые субъективные чувства —

фактор объективный и весьма подверженный материализации), не только по своему характеру, но и по своим

результатам. Начать с того, что Вторая мировая война — лишь следствие Первой, а не самостоятельный феномен.

Если Вторая мировая определила вторую половину XX в., то Первая задала весь этот век, включая Вторую мировую, определила его, расставила фигуры (после — лишь перестановка, развитие партии, миттельшпиль). Именно война

1914—1918 гг., а не война 1938—1945 гг. закрыла целую эпоху, начавшуюся в 1789 г. Именно эта война стала началом

крутого мирового поворота, органичным элементом которого была мировая война 1938—1945 гг.

Я убежден, что началом Второй мировой войны следует считать не 1 сентября 1939 г., а 28 сентября 1938 г. — дату

Мюнхенского сговора. Этот сговор Великобритании, Франции и Италии по сути не просто отдавал Чехословакию на

растерзание Гитлеру, обеспечивая его мощным военно-промышленным комплексом, выводя на границу, т.е. в

непосредственный контакт с СССР и подрывая намеченный именно на вторую половину сентября 1938 г.

антигитлеровский заговор немецких генералов («сохраняя мир, мы спасли Гитлера», — заметил Н. Хендерсон; одна

поправка: британцы сохраняли мир для себя, готовя войну для Германии и СССР), он делал много больше. Во-первых, по своему содержанию это было создание антисоветского военно-политического блока, эдакого ПротоНАТО с

Великобританией в качестве организационного и финансового центра-мозга и нацистским рейхом в качестве военного

кулака. Во-вторых, это был формально узаконенный акт агрессии четырёх держав против суверенного государства с

прицелом на мировую войну, которая должна была начаться нападением Гитлера на СССР и разгромом последнего, а

затем разгромом Гитлера англо-французами. Британцы, прежде всего Черчилль, прекрасно понимали, что и зачем они

делают. Более того, они это и не особенно скрывали.

Накануне визита Чемберлена к Гитлеру в Берхтесгаден 14 сентября 1938 г. (этим визитом британцы удерживали

фюрера в Альпах — в Берлине против него готовился заговор, т.е. спасали его: он был нужен для реализации проекта

«мировая война») Черчилль написал письмо фон Клейсту, участвовавшему в заговоре. В письме Черчилль, в

частности, писал: *«Я уверен, что пересечение немецкой армией или авиацией чехословацкой границы приведёт к*

возобновлению мировой войны. [...] Такая война, начавшись, будет вестись как последняя — до горького конца, и мы

должны думать не о том, что случится в первые месяцы войны, но о том, где мы все окажемся в конце третьего или

четвёртого года»[1](#). Далее Черчилль писал, что Великобритания и другие «демократические нации», невзирая ни на

какие потери, сделают всё, чтобы сокрушить агрессора, т.е. Гитлера, и победить.

По сути своим письмом Черчилль объяснял генералам-заговорщикам следующее: во-первых, не надо лезть со своим

заговором, не надо мешать захвату Чехословакии Гитлером. Во-вторых, этот захват будет означать де-факто начало

новой мировой войны (к которой и подталкивала его определённая часть британской верхушки — очевидные

поджигатели войны). В-третьих, война продлится 3—4 года и станет ловушкой для Гитлера — рейху, измотанному

войной с СССР, англосаксы и французы нанесут поражение.

Ясно, что заговор не состоялся — британцы его сорвали, зато через две недели состоялся Мюнхен, открывший путь к

мировой войне и в этом смысле ставший её началом.

Крутой поворот, который я упомянул выше, окончился в 1989—1993 гг., получив югославский кризис 1999 г. в

качестве эпилога или даже *post scriptum*'а. Всё большее число историков (кстати, и Черчилль придерживался такой

точки зрения) вообще объединяют две мировые войны XX в. в одну — «тридцатилетнюю», из которой (прав Гераклит: война — отец всего), подобно геополитическому ребёнку из мир-яйца с картины Дали 1943 г., родился XX век (весьма

символично: геополитический ребёнок на картине появляется из Северной Америки!).

1 Brissaud A. Canaris. N.Y.: Grosset a. Dunlop, 1974. P. 115-116

При таком подходе началом исторического, а не хронологического века и целой эпохи, историческим поворотом

становится именно Первая мировая война и её главный краткосрочный результат — русская революция. В результате

Великой войны окончательно рухнули четыре империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская; ещё одна империя — Британская — вышла на финишную прямую, хотя внешне именно 1920—1930-е гг. **казались**

пиком её могущества. После войны возникла новая социальная система — коммунистическая, а у капиталистической

появился если ещё не новый гегемон, то новый лидер — США, которому за время войны задолжали все промышленно

развитые страны, включая Британию; начался самый настоящий «закат Европы», анонсированный Освальдом

Шпенглером в 1918 г.

Первая мировая война XX в. стала поворотом в истории капиталистической системы: она во многом изменила отношения центра и

периферии, тип капиталистической экспансии, стратегию как буржуазии, так и антисистемных сил, соотношение сил

между государством и господствующими классами, между капиталом и трудом. В ней со всей очевидностью

выявились значение, сила и — порой — бессилие тайных межгосударственных союзов, теневых политических

структур (например, Комитета имперской защиты Великобритании 1906—1914 гг. — неподконтрольной парламенту

структуры) и того, что неудачно именуют «мировой закулисой» (Ленин называл это «международным переплетением

клик финансового капитала»). Война 1914—1918 гг. привела к серьёзнейшим изменениям в управлении

экономическими и общественно-политическими процессами, способствовала социальной интеграции развитых

обществ, заложила основы *welfare state*, фундамент развития корпораций, профсоюзов и отчасти даже организованной

преступности; она резко ускорила развитие техники, прежде всего военной. Война 1914—1918 гг. была первой, в

которой массовая «индустриализированная» пропаганда играла важнейшую роль. Нелишне напомнить, что СМИ всех

великих держав очень быстро убедили население и даже оппозиционные партии в том, что они стали жертвой

агрессии; правительства представили своих противников как угрозу державности, а левые партии (России и Германии) страны — своих противников как угрозу революции.

Иными словами, Первая мировая перенагружена как историческим содержанием, так и историческими

последствиями. Увы: несмотря на это, у нас до сих пор она известна недостаточно, воспринимается скорее как некая

архаика, мало относящаяся к историческому XX веку и, уж тем более, к нашим дням.

II

В настоящей статье я хочу предложить читателю «взгляд с высоты» на Первую мировую войну и, самое главное, на

механизм её возникновения, сопоставив системные и субъектные факторы этого процесса. Но сначала — пояснение, что такое системные и субъектные факторы.

У нас часто говорят о другой паре — «объективные» факторы versus «субъективные». Под первыми разумеют

социально-экономические предпосылки, массовые процессы, классы; под вторыми — наличие организаций и

структур, их интересы и цели. Противопоставление это носит ошибочный характер, оно стихийно или намеренно

скрывает реальность и её главных действующих лиц, объективно выступая чем-то вроде криптоматики.

Противопоставление «объективный - субъективный» закрепилось с «лёгкой руки» Ленина — большого практика, но

не слишком сильного теоретика и даже логика (о последнем, помимо прочего, свидетельствует «четвёрка» по логике

— единственная в гимназическом дипломе). «Субъективный» означает нечто, относящееся к внутренним

переживаниям и представлениям субъекта, причём только индивидуального. Представления коллективного субъекта, обусловленные его интересами и реализующиеся им в качестве его воли, — это что угодно, но не субъективный

фактор; это уже фактор субъектный, а затем — системный, т.е. системно-субъектный. Классовый интерес — это что, нечто субъективное или всё же объективное? По-моему, объективнее не бывает. Субъективное — это частно-индивидуализированный элемент субъектного, причём последнее не менее объективно, чем системное.

Организации, выражающие и реализующие классовые интересы, — это что, субъективный фактор? Если некая сила воплощает в

концентрированном виде долгосрочные и целостные характеристики класса или системы, представляет их, действует

на их основе — это не объективный фактор? Что же тогда объективный?

Так называемые «социально-экономические предпосылки» сами по себе не являются силой, на то они и предпосылки, условия, причём чаще всего необходимые, но ещё не достаточные. Я уже не говорю о массовости — мир понятие не

количественное, а качественное. «Больше» - «меньше» определяется не числом: тысяча овец и стая волков — кто здесь

«большинство», а кто «меньшинство»?

Мне уже приходилось писать об этом в «De Conspiratione», но в силу важности повторяю. «На самом деле речь должна

идти не об объективных факторах, а о **системных** и **субъектных** — и те, и другие объективны, но при этом, один из

аспектов субъектного фактора — субъективный. Субъектный фактор представляет собой целенаправленную

деятельность субъекта по достижению своих целей, реализации планов и интересов на основе учёта, контроля и

управления социально-историческим процессом, а с определённого времени — на основе проектирования и

конструирования этого процесса. Последнее невозможно без знания системных законов истории, которые становятся

законами действия субъекта.

Новоевропейская наука об обществе была системоцентричной. Попытка Маркса разработать теорию исторического субъекта и превратить её в науку успехом не увенчалась². Впоследствии эта линия теории Маркса продолжения не нашла— субъектное было сведено к субъективному, приобретая характеристики чего-то второстепенного. В результате из поля зрения исчезли очень важные агенты исторического изменения, а сами эти изменения стали изображаться как филиация одной системы из другой, одного комплекса “объективных факторов” из другого. В результате из истории исчез субъект как её творец. Одна из главных задач нынешнего этапа развития знания об обществе — не просто вернуть субъекта, но разработать субъектоцентричную науку и, синтезировав её с системоцентричной, создать полноценную, многомерную субъектно-системную науку.

Изучение субъекта и субъектности — задача более сложная, чем изучение и анализ систем. Во-первых, если системы более или менее открыты, то деятельность многих субъектов носит закрытый характер — и чем серьёзнее субъект, тем более он закрыт; о тайных обществах (ложах, орденах, клубах) я уже не говорю. Во-вторых, существуют транссистемные субъекты, переходящие из одной социальной системы в другую и оказывающиеся как бы над системами. Так, христианская церковь как крупнейшая религиозно-политическая и финансово-экономическая

структура присутствовала в античной, феодальной и капиталистической системах и, скорее всего, будет так или иначе присутствовать в посткапиталистической. Помимо христианской церкви к транссистемным субъектам относятся ряд орденов.

Современная наука об обществе ориентирована не только на системы, но и на открытые структуры. В то время как

структуры закрытого типа, исторически реализующие себя в качестве особых субъектов, практически не попадают в

ее “створ”, а их изучение нередко квалифицируется как нечто ненаучное, как конспирология. В связи с этим одна из

задач нынешнего этапа развития рационального знания об обществе — разработка области знания, посвященной

закрытым структурам как особому историческому субъекту, синтез эпистемологического поля, изучающего теневые

стороны общества, с тем, которое изучает “фасад”, т.е. опять же создание полноценной многомерной науки без “белых

пятен” и признаков когнитивной инвалидности»[3](#).

Анализ субъектного фактора важен для понимания всей истории, но особенно он важен для европейской и мировой

истории последних столетий, когда с капитализмом и воплощающими целостные и долгосрочные интересы его верхов

возник феномен закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления и возможность проектно-конструкторского подхода к истории. Со всей очевидностью этот подход проявился в кризисах, войнах и революциях

последнего столетия, в частности — в Первой мировой войне. Соответственно, в настоящей статье сначала мы вкратце

пройдём по некоторым дискуссионным вопросам изучения Первой мировой, затем обратимся к системным

предпосылкам, ну а после перейдём к самому важному — к предпосылкам субъектным, к субъекту, запланировавшему, подготовившему и развязавшему войну.

Последнее по счёту, но не по значению: Первая мировая война стала пиком эпохи «водораздела» (1870—1925/29). Мы

сегодня тоже живём в водораздельную эпоху, начавшуюся в 1991 г. Время словно сворачивается «листом Мёбиуса», и

мы вступаем в мир, во многом похожий на «водораздельную» эпоху конца XIX — начала XX в., только намного более

опасную, хотя в основном с теми же «поджигателями и заговорщиками». А врага надо знать в лицо.

III

Один из дискуссионных вопросов о войне 1914—1918 гг.: война — случайность или закономерность? Случайность, отвечает, например, известный историк Дж. Киган; войны никто не хотел, поэтому она не была неизбежной, к ней

привела цепь трагических случайностей, которых можно было избежать. О том, что ни одна из держав не хотела

общеевропейской войны в духе «второго издания» наполеоновских войн, пишут также С. Фэй, Б. Такмэн и др. *«Ни*

одна из держав не желала европейской войны», — подчёркивает С. Фэй. Да, европейской затяжной войны не желала, а

вот против быстрой, «маленькой, победоносной», типа франко-прусской, способной решить внешние проблемы и

приглушить внутренние, выпустить социальный пар, ничего не имела против. И это меняет как ситуацию, так и

оценку. Впрочем, запомним: великие державы, большая часть их истеблишмента большой войны не хотела. И так, вроде бы серьёзной войны не хотели. Возможно. Тем не менее, многие ждали, а некоторые просто были уверены в её

неизбежности. Вильгельм II в мемуарах пишет, что весной 1914 г. на вопрос своего гофмаршала о планах на лето

Николай II ответил: *«Я останусь в этом году дома, так как у нас будет война»*. Лидер эсеров В.М. Чернов

вспоминает: в январе 1914 г. в Париже Пилсудский сделал доклад, в котором говорил, что в ближайшем будущем

произойдёт конфликт между Россией и Австро-Венгрией из-за Балкан; в результате возникнет общеевропейская война, в которой сначала потерпит поражение Россия, а затем — Германия и Австро-Венгрия от объединённых сил

2Подробнее см. об этом: Фурсов А.И. «Биг Чарли», или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория // Русский

исторический журнал. М., 1998. Т. I, № 2. С. 335-429; Fursov A. Social Times, Social Spaces, and Their Dilemmas: Ideology “In One Country” // Review. Fernand Braudel Center, Binghamton (N.Y.), 1997. Vol. XX, № 3/4. P. 345-420.

3Фурсов А.И. Предисловие // De Conspiratione / О Заговоре. Сборник монографий. М.: Товарищество научных изданий

КМК, 2013. С. 5.

англосаксов и Франции⁴. Аналогичные мысли высказывали некоторые банкиры по обе стороны Атлантики, которые

впоследствии не только сорвали огромный экономический куш в ходе войны, но и активно воплощали в ней свои

геоинженерные планы; впрочем, как выясилось в среднесрочной перспективе, скорее неудачно. Есть правда в словах

Дж. Сороса о том, что Большие Деньги делают историю, но не менее верно и то, что порой Большая История делает (в

смысле: удеывает) Большие Деньги.

Если трагические случайности выстраиваются в цепь, то это уже система; системная заинтересованность превращает

выстрел в системное явление. Хотя, разумеется, чем сложнее и масштабнее историческое явление или событие, тем

сложнее установление причин и реальной связи между ними и следствиями. В этом плане предпочтительнее говорить

о «*причинно-следственных рядах*» (А.А. Зиновьев), их переплетениях и комбинациях, в которых следствия из одного

ряда оказываются причинами в другом и образуют странное явление причинноследствия, в анализе которого

линейные подходы не срабатывают. Взаимопереплетения могут быть столь многообразными, что адекватное

понимание процесса оказывается возможно, во-первых, лишь на уровне целого, посредством «целостного анализа», который часто подменяют многофакторным; во-вторых, в долгосрочной, временной перспективе, как сказал бы Ф.

Бродель, «*dans une très-très longue durée*».

Кроме того, в эпохи кризисов и революций, когда время предельно уплотнено, меняются исторический масштаб, роль

и значение случайностей и закономерностей: то, что именуют «случайностью», «ролью личности», «значением

человеческого фактора» и т.д., обретает — на короткий срок, впрочем, и этого достаточно, — макроисторическое

измерение. Событие есть реальное бытие кризисно-революционных эпох. Движение системы, оказавшейся в точке

бифуркации, может определить лёгкий толчок, взмах крыла бабочки, закрытие маленькой школы в аббатстве Браунау, выступление с броневика, наконец, выстрел недоучившегося студента, короче говоря, любая ошибка, а то и просто

глупость. Бисмарк, заметивший когда-то, что какая-нибудь проклятая глупость на Балканах спровоцирует новую

войну, продемонстрировал качества не только провидца-практика, но и системно-исторического мыслителя-теоретика.

Здесь также необходимо отметить, что условия для «глупости» и для её взрывного общеевропейского потенциала

начали создаваться западными державами под руководством Великобритании во время Берлинского конгресса 1878 г.

Отменив выгодные для России Сан-Стефанские соглашения 1877 г., на этом конгрессе Запад в целом и прежде всего

британцы (в лице умело блефовавшего Дизраэли) завязали такой узел противоречий на Балканах, который уже

невозможно было распутать, только разрубить. Чем? Например, войной.

В сложившейся к 1914 г. ситуации в результате европейских и мировых изменений, произошедших с 1870 г. или даже с

середины 1850-х гг., когда англо-французы с молчаливого одобрения австрийцев и даже пруссаков начали войну с

Россией, общую войну действительно могло вызвать любое острое событие, особенно если имелся субъект, заинтересованный в этом и готовивший это в течение десятилетий, нагнетая напряжённость обстановки. А она уже в

1890-е гг. была иной, чем в 1860-е или даже в 1870-е гг. Достаточно сравнить четыре наиболее известных романа

Жюль Верна, написанные на рубеже 1860—1870-х гг. и психологически подводившие итог «эпохе оптимизма»

1830—1860-х гг., и четыре наиболее известных романа Герберта Уэллса, написанные во второй половине 1890-х гг. —

страх перед низами-морлоками, перед войной миров и т.д. Ну а *«Будет скоро тот мир погублен, /Посмотри на него*

тайком» (М. Цветаева) — это просто знак на стене. Разумеется, история не есть фатально-автоматический процесс.

Но она — процесс закономерный. Тем более, что мировые войны за гегемонию носят регулярно-циклический характер

и так называемая, как уже говорилось, «Первая мировая» — вовсе не первая.

IV

С вопросом о «случайности — неизбежности» Великой войны тесно связан другой: кто виноват? Поскольку историю

пишут победители, то уже в 1919 г. главным виновником была объявлена Германия (ст. 231 Версальского договора).

Эту версию («версальскую»), впрочем, сразу же оспорили немцы. Речь идет о «письме профессоров» — замечаниях к

докладу Комиссии союзников и ассоциированных стран по вопросу ответственности за начало войны, написанные М.

Вебером, Г. Дельбрюком, М.Г. Монжелой и А. Мендельсоном-Бартольди. Они основную вину возложили на

переживавшую далеко не лучшие времена Россию, на Британию духа не хватило.

В начале XXI в. появились работы (что показательно — британских авторов), в которых тоже была сделана попытка

прямо или косвенно перевести стрелки на Россию и её обвинить в возникновении войны. Попытки эти, которые

совпали с кампанией уравнивания СССР с Третьим рейхом в плане вины за развязывание Второй мировой войны, оказались несостоятельными.

Непросто обстоит дело и с классовой интерпретацией механизма развязывания войны: вовсе не все группы

капиталистов хотели войны, равно как этого хотели далеко не все политики государств, вступивших в смертельную

схватку. Первая мировая война и её канун со всей очевидностью продемонстрировали всю нелинейность и

неоднозначность финансово-политических связей. Например, в начале XX в. французские финансисты хотели

сотрудничать с немецким капиталом, а политики были против. Немало финансистов в Великобритании, понимавших, 4Я благодарен В. А. Брюханову, обратившему мое внимание на этот эпизод.

что в результате войны их страна из кредитора превратится в должника США, не жаждали, мягко говоря, войны.

Против войны была и большая часть парламентариев — ниже мы увидим, как их «сделало» активное меньшинство

поджигателей войны. Были противники войны и среди немецких промышленников. В то же время многие немецкие

политики и многие американские финансисты приветствовали её. Господствующий класс мировой капсистемы —

класс не однородный и не сводимый к буржуазии, так же как капиталистическая собственность не сводится к

капиталу. Всё сложнее, и сложность эта ещё более усиливается наличием, с одной стороны, национальных государств

с протекающими в них массовыми процессами, с другой — закрытых наднациональных структур мирового

согласования и управления.

Первая мировая война продемонстрировала ещё одну очень важную черту, косвенно связанную и с вопросом о её

неизбежности, и с вопросом «кто виноват?». Речь идёт о несоответствии практически во всех странах «человеческого

материала» на уровне государств и парламентов происходившим в мире событиям и тем задачам, которые возникали и

которые надо было решать. Итальянский историк Л. Альбертини, характеризуя события лета 1914 г., прямо пишет о

несоответствии между интеллектуальными и моральными способностями тех, кто принимал решения, и сложностью и

важностью возникших проблем. Прочтя эту мысль Альбертини, я вспомнил, что, например, Германия оказалась

заложницей не просто архаической, но исторически почти обречённой Австро-Венгрии. Ведь благодаря своей

внешней политике Второй рейх должен был рано или поздно расплачиваться за контрпродуктивные попытки своего

всё менее адекватного современному миру союзника сохраниться в этом мире. Более того, эта жёсткая связь делала

Германию предсказуемой и уязвимой: чтобы «уронить» Второй рейх, достаточно было «подтолкнуть» Австро-Венгрию тем или иным способом, какой-нибудь «глупостью» или тем, что удалось закамуфлировать в качестве

таковой.

Накопившиеся за десятилетия результаты **совокупных** усилий европейских держав благодаря кумулятивному эффекту

приобрели к 1914 г. новое качество и такой размах, что с трудом поддавались индивидуальной оценке теми, кто

сформировался на решении задач на порядок проще. Отсюда попытки решить частные и сиюминутные внутренние и

внешние проблемы таким путём, который сразу же создавал почти неразрешимые общие проблемы. Иными словами, помимо интересов определённых групп за августом 1914 г. стояла системно-, исторически обусловленная

неспособность действовавших на государственном уровне многих политиков конца XIX в. адекватно оценивать и

прогнозировать качественно изменившуюся ситуацию и принимать соответствующие ей решения. Если к этому

добавить внутреннюю нестабильность европейских держав и нарастающую напряжённость между ними, то

вероятность неадекватных решений, в том числе ведущих к войне, увеличивается на порядок, особенно если процесс

направлять. Но это — подчёркиваю — системно обусловленный факт, фиксируя который я хочу сказать следующее. В

«версальской версии» содержится значительная доля правды. Однако далеко не вся правда. Для меня как в

методологическом, так и в моральном плане важна позиция Гюстава Ле Бона. Он заметил, что в 1914 г. именно

Германия уронила в наполненную до краев чашу ту каплю, из-за которой всё пролилось; но, продолжил Ле Бон, для

объективного исследователя главный вопрос не в том, кто влил последнюю каплю, а кто наполнил чашу до краёв, сделав войну неизбежной.

V

XIX век был (в целом) веком британской гегемонии в капсистеме, пик этой гегемонии приходится на 1815—1871/73 гг.

Победа Пруссии над Францией нанесла удар по психологической составляющей британской гегемонии (здесь имеется

в виду открытый эффект, об эффекте на закрытом уровне будет сказано позже). Уже в 1871 г. в Лондоне был

опубликован политико-фантастический рассказ полковника Дж. Чесни «Битва при Доркинге», сюжетом которого была

высадка немецкой армии в Англии. Это свидетельствовало об утрате гегемоном психологической уверенности, драйва, а война с бурами

(1899—1902) породила ещё большую имперскую неуверенность и стремление к экстраординарным

мерам по спасению британского доминирования в таком мире, где стремительными темпами растёт конкуренция со

стороны Германии и США. В 1873 г. начался мировой экономический спад, который продлился до 1896 г. и во время

которого Британия стала утрачивать свои экономические и стратегические позиции, а Германия в Европе и США резко

двинулись вперёд. Период гегемонии сменился периодом соперничества, который завершится в 1945 г.

Мировая капсистема устроена таким образом, что в ней чередуются периоды гегемонии какой-либо одной страны в

экономике и политике и периоды соперничества за корону гегемона. Пик периодов соперничества — мировые

«тридцатилетние» (1618—1648; 1756—1763 + 1792—1815; 1914—1945 годы) войны. *Wargasm*, как сказал бы

покойный директор Гудзоновского института по предсказанию будущего Герман Кан. Антагонистами в таких войнах

внутри самой капсистемы выступали морская держава (англосаксы — Великобритания, США), с одной стороны, и

континентальная (Франция, Германия), с другой. Период соперничества, начавшийся в 1870 и завершившийся в 1945

г., отмечен противостоянием Германии и англосаксов в капсистеме.

Итак, с 1870-х гг. мир вступил в новую эпоху соперничества, и наиболее дальновидные представители британского

истеблишмента — Родс, Стэд, Милнер и другие — почувствовали это и уже в 1890-е гг. открыто заговорили о

необходимости англо-американского союза перед лицом нарастающей германской угрозы. Обсуждался вопрос

создания союза англоговорящих народов, и Родс даже готов был перенести его столицу в Вашингтон — подальше от

«сумрачного германского гения» с лицом Бисмарка, Шлиффена и Круппа.

Германия в последней трети XIX — начале XX в. политически была намного активнее, по крайней мере, внешне, чем

США, которые даже в 1914 г. заявили о своём нейтралитете (вопреки призывам бывшего президента Т. Рузвельта к

активизации действий). Америка ставила на «стратегию доллара», на достижение гегемонии финансово-экономическим путём; жизнь показала: только экономическим нельзя, нужны «кровь, пот и слёзы».

Последняя треть XIX в. внесла изменения не только в мировую политическую ситуацию, но и в экономическую.

Старый, относительно «мирный», внутренне ориентированный (индустриализация) капитализм 1830—1860-х гг. не

только исчерпал свои возможности, но и породил такие потребности, удовлетворение которых потребовало от

капитала (и государства) создания новой экономической структуры. На черновую работу ушло около 50 лет, и

голландский историк Я. Ромейн назвал эту эпоху «водоразделом». Главной чертой «водораздельного» мира стала

экспансия нового типа, получившая название «империализм».

Бурное экономическое развитие «длинных пятидесятих» (1848—1867/73 гг.) с его заводами и фабриками, железными

дорогами, золотыми и алмазными приисками, каучуковыми плантациями, производством зерна и многим другим

потребовали резкого увеличения капитала и расширения рынков сбыта. «Эпоха капитала» (Э. Хобсбаум) (1848—1875) потребовала «эпохи империи» (1875—1914). Отсюда — начало нового — последнего — раунда колониальной

экспансии, нового передела мира.

За последние 20 лет XIX в. Великобритания увеличила свои колонии до 9,3 млн. кв. миль с населением 309 млн. чел.; Франция — до 3,7 млн. кв. миль с населением 54 млн, а вот Германия приобрела лишь 1 млн. кв. миль колоний с

населением 14,7 млн. чел. К началу XX в. раздел мира завершился. На вопрос адмирала Тирпица, не опоздала ли

Германия принять участие в заканчивающемся разделе мира, можно ответить утвердительно. Помимо экономических

причин раздел мира подстёгивали и социально-политические. Чтобы замирать трудящихся своих стран в условиях

прогрессирующей индустриализации и роста социалистического движения, господствующим группам и

правительствам европейских держав приходилось идти на социальные уступки. То была цена социального мира, а

средства черпали главным образом из колоний. «Если вы хотите избежать гражданской войны, — писал Родс, — вам

следует стать империалистами». Расовое единство должно было сгладить классовые противоречия — так, в частности, считал и

Дизраэли, который перенёс на английскую почву традиционные еврейские представления о расе и её чистоте.

Ну а для обеспечения классового мира на основе расового единства огромное значение имели прибыли, получаемые

из колоний и полукolonий.

Положение Германии и в этом плане было хуже, чем таковое Великобритании или Франции; колоний у неё было мало, территория относительно невелика, а население росло очень быстро. Достижение мирового господства или хотя бы

превосходства (и то, и другое объективно грозило столкновением с Великобританией) становилось проблемой не

только внешней, но и внутренней политики Второго рейха. Немцы могли рассчитывать только на передел, и их

военно-экономический потенциал позволял им надеяться на успех.

Вот некоторые цифры, характеризующие соотношение потенциалов Германии и Британии, отставание последней.

В 1900 г. англичане произвели 5 млн. т стали, немцы — 6,3 млн. т; в 1913 г. англичане — 7,7 млн. т, немцы — 17,6 млн.

т (правда, США произвели соответственно 10,3 млн. т и 31,8 млн. т; а вот Россия — 2,2 млн. т и 4,8 млн. т).

Потребление энергии: 1890 г.: Британия — 145 млн. метрических тонн угольного эквивалента, Германия — 7,1 млн.; 1913 г. — 195 млн. и 187 млн. (США — 147 млн. и 541 млн., Россия — 10,9 млн. и 54 млн.). Еще более впечатляют в

англо-германской дуэли цифры совокупного промышленного потенциала (за 100% взят уровень Великобритании 1900

г.). 1880 г. — 73,3 у Великобритании и 27,4 у Германии; 1913 г. — 127,2 и 137,7 соответственно (у США — 46,9 и

298,1, у России — 24,5 и 76,6). Доля в мировом промышленном производстве: 1900 г.: Британия — 18,5%, Германия —

13,2%;

1913 г.: Британия — 13,6%, Германия — 14,8% (США — 23,6 и 32%, Россия — 7,6 и 8,2%). Темпы роста

промышленного производства в 1870—1913 гг. у Германии — 4,5%, у Великобритании — 2,1%; экспорта — 4,1 и 2,8%

соответственно.

VI

Неудивительно, что в 1890-е гг. в Великобритании появляются две книги — М. Шваба и Ю. Уильямса (последняя с

красноречивым названием: «Сделано в Германии»), в которых показан бурный экономический рост Германии и

относительный упадок Британии. Книги подводили читателя к выводу: мирным, экономическим путём Британии не

выиграть борьбу с Германией, которая из *Grossmacht* стремительно превращалась в *Weltmacht*. Для победы требовалась

предельная концентрация всех сил или, как напишет в опубликованном 2 сентября 1914 г. в «The Times»

стихотворении Киплинг, «железная жертвенность тела, воли и души». Только так можно было компенсировать

постепенно нарастающее отставание в экономике. Ну и, конечно, русской кровью — как и в войне с Наполеоном, а

позднее — с Гитлером.

Для британцев самым непереносимым, страшным в росте германской мощи было то, что немцы наращивали свою

морскую мощь. *«Первенство Германии на море не может быть совместимо с существованием Британской*

империи» — это слова одного из руководителей английского Foreign Office. Показательно признание Ллойд-Джорджа:

«Строительство германского флота в значительной степени вызвало мировую войну». С ним согласен немецкий

адмирал Шеер: из-за строительства германского флота *«Англия почувствовала себя в опасности и увидела в нас*

соперника, которого следует уничтожить любой ценой».

Действительно, гонка морских вооружений (с 1889 и особенно с 1904 —1907 гг., с «дредноутной революции») привела

к тому, что германский военный флот стал самой серьёзной угрозой Британии со времён Трафальгара. Поэтому, писал

накануне Первой мировой войны блестящий русский военно-стратегический и геополитический мыслитель А.Е.

Едрихин-Вандам, главная цель английской стратегии *«состоит в том, чтобы уничтожить торговый и военный*

флот Германии, отнять у последней её, хотя и бедные сами по себе, но являющиеся своего рода передовыми постами, колонии и нанести ей на суше такой удар, после которого, ослабленная духовно и материально, она не могла бы

возобновить своих морских предприятий в течение долгого времени в размерах сколько-нибудь значительных и

никогда в нынешних.

...главная цель Англии состоит в том, чтобы отбить наступление Германии на Океанскую Империю на

Атлантическом океане, как было отбито (руками Японии — А.Ф.) наступление России на Тихом».

Германский вопрос стал вопросом сохранения британской гегемонии — наряду с русским вопросом. И, как

совершенно верно заметил А.Е. Вандам, решить этот вопрос путём схватки флотов двух стран на Северном море было

невозможно. Требовалась «общеевропейская война». Но как организовать такую войну? Где запалить бикфордов

шнур? И Вандам — ещё до её начала — отвечает: на Балканах сложилась взрывоопасная ситуация, и Великобритания,

«пользуясь огромным влиянием на Балканах и в известных сферах Австрии... будет стремиться к тому, чтобы

сделать из этих событий завязку общеевропейской войны, которая, ещё больше, чем в начале прошлого столетия

опустошив и обессилив континент, явилась бы выгодной для одной Англии». Впрочем, как выяснилось впоследствии, британцы сработали на другого, заокеанского, англосакса, который тоже был заинтересован в общеевропейской войне, чтобы сокрушить империи, включая Британскую.

Общеевропейская война, успешная для британцев, возможна, писал далее Вандам, лишь «при обязательном участии

России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на

суше». Иными словами, решающую роль в англо-германской борьбе должна была сыграть Россия, причём на стороне

Англии, а не Германии. Почему?

Начать с того, что кроме британско-германских, существовали русско-германские противоречия, прежде всего

экономические; Россия была нужна Германии как источник сырья и рынок сбыта; наконец, как пространство. Но дело

не только в них.

Если Великобритания опасалась Германии, то Германию всё больше охватывал страх перед Россией. 7 июля 1914 г.

канцлер Бетман-Гольвег писал: *«Будущее за Россией, она растёт и растёт и надвигается на нас как кошмар»*.

Немецкая правительственная комиссия, посетившая Россию во время столыпинских реформ, пришла к выводу: после

их окончания, через десяток лет война с Россией будет непосильна, а ещё через десяток лет по промышленному и

демографическому потенциалу Россия обойдёт крупнейшие европейские державы вместе взятые.

Я полагаю, что это завышенная и слишком оптимистичная оценка как сама по себе, так и по абстрагированию

экономики и демографии от социальной и политической структур. Последние в России начала XX в. имели не так

много шансов (а с учётом международной ситуации совсем мало) эволюционно выдержать тот «экономический

прогресс», усиление которого предсказывали в Европе. Хрупкая социальная структура с трудом выдерживала

экономический «прогресс» с его диспропорциями. Однако в любом случае в Германии нарастал страх перед Россией.

Там в начале 1910-х гг. понимали: если воевать с Россией, то сейчас, ибо с каждым годом Россия становится сильнее, и через 5—10 лет с этим колоссом не поспоришь. (Подчёркиваю, это вовсе не означало неизбежности немецкого

нападения на Россию.)

Те, кто считает, что Россию и Германию в 1914 г. сравнили, правы. Однако не надо забывать, что между странами, где

правили «Вилли» и «Ники», существовали экономические и (опосредованно) политические противоречия — иначе

сравнить не получилось бы. Другое дело, что эти противоречия не были фатальными, они были намного менее

острыми, чем англо-германские и франко-германские, но их можно было использовать, особенно с учётом

вовлечённости России и главного союзника Германии — Австро-Венгрии в балканские дела. Уверен: даже если бы

Россия и Германия оказались в союзе, рано или поздно между ними развернулась бы борьба, как это произошло в 1941

г. после почти двух лет «дружбы». Континентальной и транс(гипер)континентальной, каковой была Россия, державам

договориться практически невозможно, мечта Хаусхофера о «континентальном блоке» — увы — едва ли осуществима.

По крайней мере, до сегодняшнего дня. И всё же, повторю вместе с британским историком А. Дж. П. Тэйлором: противоречия между Великобританией и Германией были намного более острыми, чем русско-немецкие. Россия не

была гегемоном капсистемы, на трон которого претендовала Германия, а Великобритания была. Россия не была

претендентом на роль гегемона капсистемы, а Германия была. При таком раскладе с какой стати России поддерживать

гадившую ей весь XIX век «англичанку» — своего главного врага? Статья простая, называется — «экономика».

Некоторые экономические противоречия с Германией, возникшие в 1890-е гг., заставили Россию пойти на

политическое и экономическое сближение с Францией, чей финансовый капитал пошёл в Россию. (Другой вопрос, кто

заставил Францию пойти на сближение с Россией — об этом ниже.) В результате к 1914 г. Россия оказалась

экономически, а следовательно и внешнеполитически пристёгнута и к Франции, тесно связанной с Великобританией, и к этой последней, т.е. с «экономико-политическим концерном Антантой» (А. Богданов), возникла жёсткая

экономическая зависимость от противников Германии. Об активности и силе позиций в российской верхушке

британской агентуры влияния я уже не говорю.

К 1914 г. иностранному капиталу (главным образом, французскому, бельгийскому и британскому) принадлежало почти

100% нефтяной промышленности, 90% добычи полезных ископаемых, 50% химической промышленности, 40%

металлургической и около 30% — текстильной. В начале XX в. Россия имела самую крупную внешнюю

задолженность.

Всё это сводило на нет бьеркский германско-русский оборонительный союз 1905 г., а тесная связь Германии с Австро-Венгрией практически не оставляла ему никаких шансов. По логике своего положения в капсистеме Россия

оказывалась в лагере противников Германии, именно ей они отводили главную «военно-смертельную» роль, намного

превышавшую её мобилизационные возможности (результат — февраль 1917 г., бездарный Керенский и «юный

октябрь впереди»). Причём явные, открытые противники Германии были тайными противниками России и

стремились к её уничтожению в ходе войны в не меньшей степени, чем Второго рейха.

О том, что в союзе с Францией и особенно Великобританией Россия совершает грубую, фатальную ошибку, царя

предупреждали. Так, в феврале 1914 г. в «Записке» П.Н. Дурново предупреждал Николая II, во-первых, о том, что

России ни в коем случае нельзя ввязываться в европейскую войну; во-вторых, что она выбрала не тех союзников.

Дурново подчёркивал, что нельзя сближаться с Великобританией — страной, являющейся главным противником

России на мировой арене; что у нас нет столь острых противоречий с Германией, которые гнали бы Россию на войну с

ней. По сути Дурново выступал с позиций необходимости создания континентального блока против англосаксов. Это, по его мнению, позволило бы избежать войны и участия в ней России.

Последнее Дурново считал смертельно опасным, полагая, что война приведёт Россию к анархии, в которой обвинят

правительство, и, как следствие, к революции. Вот что писал оказавшийся неслышанным пророком Дурново:

«Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Русский простолудин, крестьянин и рабочий

одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении

его чужой землёю, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения

не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти

безвозвратно допустить агитацию в этом направлении, — Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905—1906 годов... Война с Германией создаст исключительно

благоприятные условия для такой агитации. Как уже было отмечено, война эта чревата для нас огромными

трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи, — будем

надеяться, частичные, — неизбежными окажутся и те или другие недочёты в нашем снабжении. При

исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при

оппозиционности этого общества всё будет поставлено в вину правительству». Ну а дальше — революция.

Никакой реакции сверху, «из сфер», как говорили в старину, не последовало. И это не очень удивляет: первое, что

отказывает у систем, слоёв и лиц, вступающих в полосу упадка, это чувство самосохранения. Утрата данного чувства

— верный признак деградации и дегенерации системы, строя, слоя. Примеров — масса, кроме позднего самодержавия

ограничусь одним: поздний СССР. Как заметил писатель О. Маркеев (в «Неучтенном факторе»), *«способность к*

упреждающему отражению коррелируется с фазой развития. При дегенерации системы способность “слышать ”

катастрофически снижается». Неспособность услышать предупреждения и/или увидеть знаки на стене — это

«эффект Кассандры». Он, помимо прочего, обусловлен классовым фактором: есть классовый предел адекватного

восприятия реальности, в какой-то момент «наблюдатель», чтобы адекватно понять или даже просто увидеть

реальность, её противоречия и опасности, должен выйти за рамки своих классовых характеристик и даже интересов, т.е. перестать быть классово ограниченным индивидом. Разумеется, это нелегко как само по себе, так и с точки зрения

конфликта со своим классом (окружением), который (которое) в массе своей, как правило, не желает слышать

предупреждений и фиксировать материализованные знаки судьбы, а если слышит, не желает ничего менять — паралич

воли. Классовая ограниченность — удел господствующих групп финально-летальных эпох. Такие группы и лица

ничего не могут создать, только разрушить, тупо прожирая не ими созданное и теша свою социальную импотенцию.

Не случайно Ф. Энгельс о людях, создавших капитализм, писал, что они — кто угодно, но только не буржуазно (т.е. не классово-капиталистически) ограниченные люди.

При утрате воли и ясности исторического видения групповой (классовой) инстинкт самосохранения, становясь

самодовлеющим, превращается в свою противоположность, подталкивая систему/группу/организацию к

самоубийству. Как заметил тот же О. Маркеев, люди (и организации, добавлю я), поработанные инстинктом

самосохранения, ничего не могут решать.

Ясно, что деградирующая, теряющая волю и интеллект система не могла услышать в 1914 г. предупреждения Дурново, как ещё раньше не услышала другого провидца — министра внутренних дел В.К. Плеве. В октябре 1902 г. в споре с

С.Ю. Витте, который, по-видимому, сыграл роль в смерти министра, Плеве сказал следующее: *«Революция у нас будет*

искусственной, необдуманно сделанной так называемыми образованными классами, общественными элементами. У

них цель одна: свергнуть правительство, чтобы самим сесть на его место, хотя бы только в виде конституционного

правительства. У царского правительства, что ни говори, есть опытность, традиции, привычка управлять.

Заметьте, что все наши самые полезные, самые либеральные реформы сделаны исключительно правительственной

властью, по её почину, обычно даже при несочувствии общества... из лиц, из общественных элементов, которые

заменяют нынешнее правительство, — что будет? — одно лишь желание власти, хотя бы даже одушевлённое, с их

точки зрения, любовью к родине. Они никогда не смогут овладеть движением. Им не усидеть на местах уже по

одному тому, что они выдали так много векселей, что им придётся платить по ним и сразу идти на уступки. Они, встав во главе, очутятся силою вещей в хвосте движения. При этих условиях они свалятся со всеми своими

теориями и утопиями при первой же осаде власти. И вот тогда выйдут из подполья все вредные преступные

элементы, жаждущие гибели и разложения России, с евреями во главе»[5](#).

Историк А.В. Пыжиков, который привёл эту цитату в своём исследовании, совершенно верно отмечает, что сила

предвидения Плеве не может не поражать. Отмечу, что именно война, участие в ней на стороне Великобритании, создали ту ситуацию, которую предсказал Плеве. И которая, возникнув в феврале 1917 г., так обрадовала не только

противников, но и формальных союзников России британцев — насколько последние вообще могут быть чьими-то, особенно нашими союзниками. Узнав о свержении Николая II и монархии в России, премьер-министр Ллойд-Джордж

заявил в парламенте, что одна из главных целей войны достигнута. Да, тысячу раз был прав наш геополитик А.Е.

Едрихин-Вандам, отметивший, что хуже вражды с англосаксом может быть только одно — дружба с ним. Но вернёмся

к военным расчётам и просчётам.

Русская сухопутная мощь была одним из двух факторов, которые, как считали англо-французы, позволят разгромить

Германию. Второй они видели в финансовой слабости немцев. В Лондоне и Париже полагали: ввиду финансовой

неподготовленности к войне и зажатости в кольцо двух фронтов Германия быстро обанкротится. Вышло иначе. «Ни

один специалист по финансовым вопросам не предвидел, какую силу обнаружит Германия в финансовом

отношении...», — писал М. Павлович. — Никто не подозревал, что Германия, замкнутая железным кольцом

враждебных армий... будет в состоянии выдержать четыре года войны, технически в поразительном изобилии и с

большей роскошью, чем все её враги, вооружить не только свои многомиллионные армии, но и армии её союзников, сначала Австрии, затем Турции, наконец, Болгарии, что она будет в состоянии поставить в момент страшной и

невиданной во всемирной истории по напряжению и кровавым жертвам войны всё народное хозяйство на рельсы и

спасти страну от экономических и финансовых потрясений, которые могли бы парализовать работу её образцового

военного аппарата в первый же год кампании. Можно сказать без преувеличения, что эта неожиданно

проявившаяся наружу германская мощь захватила врасплох господствующие классы почти всех европейских стран и

явилась для них большей неожиданностью, чем пресловутые немецкие победы в войнах 1866 и 1872 гг.».

Что же касается «кольца», то немцы прекрасно понимали, что оно непрочное и его можно прорвать. Так оно и вышло

— с помощью гешефтмахеров вроде Парвуса и революционмахеров вроде Ленина. Всё тот же русский фактор, но

только революционный.

И ещё одно. Чтобы воевать, нужны не только противоречия, причины, поводы и субъект — поджигатель и организатор

войны. Нужна людская масса, которую можно выложить на геостратегический прилавок в виде мяса — пушечного. И

когда этой массы становится много, сам этот факт превращается в необходимую (хотя и недостаточную) причину

войны, особенно если социально-политические структуры и институты не способны с этой массой справиться, превратив опасные массы в дисциплинированные классы. Так оно и произошло в Центральной и Восточной Европе на

рубеже XIX—XX вв.

Как заметил У. Макнил, Первая мировая война стала жестоким средством решения проблемы сельской

перенаселённости Европы (а Вторая, добавлю я, — средством решения проблем уже не только сельской, но и

городской перенаселённости): *«военные конвульсии XX в. можно рассматривать... как ответы на коллизии между*

ростом населения и теми ограничениями, которые налагали на него традиционные формы сельской жизни, особенно

в восточной и центральной Европе». В конце XIX в. европейское население оказалось разбалансировано. Две мировые

войны решили эту проблему в Европе в первой половине XX в. (так же, как французская революция и наполеоновские

войны на рубеже XVIII—XIX вв.). После 1945 г. рост местного населения перестал быть проблемой для этой части

света. (Добавлю, что в России помимо Первой мировой войны функцию снятия аграрной перенаселённости

выполнили отчасти гражданская война, отчасти — коллективизация; как выполнили — это другой вопрос.) Если Великобритания и Россия могли частично снимать социо-демографическое напряжение посредством миграции

5Цит. по: Пыжиков А. Питер - Москва: схватка за Россию. М.: Олимп, 2014. С. 125-126.

(мировой — заморской и евразийской — сибирской), то зажатая между Францией и Россией Германия была лишена

этой возможности. У неё не было ни лишнего пространства, ни обширных колоний, а среднегодовое превышение

рождаемости над смертностью в 1900—1910 гг. составило 866 тыс. чел. Тут поневоле можно не то что заикнуться, а

свихнуться на *Lebensraum* 'е.

Итак, в «водораздельную эпоху» в тугой узел, а точнее, в несколько взаимосвязанных причинно-следственных узлов

сплелись разнообразные и многоуровневые проблемы, адекватная оценка которых по объективным и субъективным

(системно-историческим) причинам и их последствий оказалась не под силу большинству политиков (это существенно

отличает возникновение Первой мировой войны от возникновения Второй, когда несколько гроссмейстеров мировых

шахмат более или менее адекватно оценивали ситуацию, просчитывали последствия, хотя не до конца и не без

ошибок). Что же касается кануна 1914 г., то с определённого момента каскадный характер и развитие событий

приобрело собственную динамику, мало завися уже от действий большинства лиц и правительств. 30 июля 1914 г.

Бетман-Гольвег мог лишь констатировать: *«Руководство событиями уже утеряно, и камень покатился»*. Через день

наступило 1 августа, и армии пошли друг на друга.

VII

Выше много сказано о социально-экономических, демографических, внутри- и внешнеполитических условиях и

предпосылках войны, которые подвели Европу к рубежу войны. Однако сами по себе предпосылки и условия не

являются причинами; как минимум, не являются причинами главными, первого ряда. Они не суть силы, а ведь только

сила могла заставить Европу пересечь военный рубеж, причём сила организованная и настолько мощная, чтобы

навязать свою волю, используя при этом и средства государства, не подчиняя себя последнему. Иными словами, речь

идёт об особом социально-историческом субъекте, использовавшем системные факторы и предпосылки и ставшим —

вместе с ними — движущей силой исторического процесса, реализующего определённые интересы.

Подробно вопрос о том, как политэкономия и логика капитализма как системы вообще и особенно её генезиса

порождает закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления, разобран мной в работе «De Conspiratione: Капитализм как заговор» Т. 1. 1520 — 1870-е годы»⁶. Поэтому здесь лишь вкратце отмечу следующее.

Почти с самого начала возникновения капитализма наряду с капиталом и государством существовал третий субъект

системы, созданный ею в той же степени, в какой он создал её, — закрытые наднациональные структуры мирового

согласования и управления. По мере развития капсистемы роль, могущество и значение этого субъекта постоянно

возрастали. При этом сами структуры, о которых идёт речь, — конспироструктуры, не оставались прежними — они

менялись в соответствии с историческими обстоятельствами.

Довольно долго господствующей формой организации конспироструктур были масонские ложи. В XIX в. к ним

добавились организации карбонариев, тем не менее «мейнстрим» оставался масонским, а само масонство в большей

или меньшей степени контролировалось британскими ложами, капиталами, государством и спецслужбами — короче

говоря, «коварным Альбионом». Собственно, кардинальное изменение доминирующей формы организации

конспироструктур в конце XIX — начале XX в. связано с изменением положения Великобритании в мировой системе, со стремлением её финансово-аристократической верхушки не допустить ослабления своих позиций в мировой

олигархической пирамиде. Никто не отменял масонство, оно прекрасно существует до сих пор, пронизывая и новые

формы конспироструктур и влияя на исторический процесс, однако оно не является ни доминирующей, ни тем более

единственной формой конспироструктур. Именно в конце XIX в. стали оформляться новые формы этих структур.

Этими последними британская верхушка стремилась компенсировать ухудшение своего положения, нарастающие

проблемы Великобритании в связи с конкуренцией со стороны Германии и США и ответить на угрозу национально-ориентированных конспироструктур Второго рейха. Сама же эта ситуация, потребовавшая организационно-исторической компенсации и вызвавшая к жизни новый тип конспироструктур (Первая мировая война была их

моментом истины, проверкой на реальность рождения), была порождена британско-русским соперничеством, на

обострение которого британцы пошли сразу же после окончания наполеоновских войн, — *«нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»*. Или, как говорят англосаксы, *«каждое приобретение есть потеря, и каждая потеря*

есть приобретение».

VIII

С окончанием наполеоновских войн Россия стала противником № 1 Великобритании на континенте, и британцы

начали готовиться к устранению этого конкурента. В 1820-е гг. была запущена психоисторическая

(психоинформационная) программа «руссофобия», которая должна была морально и идейно подготовить всех

западноевропейцев к участию в британской борьбе против России, кульминацией которой в XIX в. стала Крымская

война — первая общезападная война против России. Её результатом стало уменьшение влияния России в Европе и

некоторое укрепление позиций Франции Наполеона III, но при этом Россия сохранила статус одной из пяти великих

6Фурсов А.И. *De Conspiratione / О Заговоре*. М.: КМК, 2013. С. 21-28.

европейских держав и продолжала противостоять Великобритании в Центральной Азии. Чтобы изменить эту

ситуацию, британцы озаботились созданием континентального противовеса России, который в то же время мог бы

подсечь и Наполеона III, проявлявшего всё большую самостоятельность. Таким противовесом должна была стать

объединенная вокруг Пруссии Германия.

В 1870—1871 гг. Пруссия нанесла поражение Франции. Быстрая победа немцев уже тогда вызвала определённое

удивление у современников — не настолько немцы были сильнее французов в военном отношении. Со временем

ситуация прояснилась: поражение во многом стало результатом предательства. Последнее было обусловлено тем, что

«братья» из масонских лож Великобритании, Франции и Германии договорились — и судьба Второй империи была

решена. Британцы могли торжествовать. И вот тут-то немцы преподнесли им крайне неприятный сюрприз, последствия которого в значительной степени определили ход европейской и мировой истории почти на восемь

десятков лет.

Разделавшись с французами, немцы объединили свои (континентальные) масонские ложи, которые ранее в

разрозненном виде находились в той или иной степени под контролем британских (островных) лож, в одну крупную

национальную сверхложу — «Geheime Deutschland» («Тайная Германия») и тем самым не только вышли из-под их

контроля, но сделали заявку на самостоятельную игру в мировых процессах. Впервые (и, кстати, единственный раз в

истории) англосаксонским наднациональным структурам мирового управления и согласования был брошен вызов на

национальной основе. Мощь этого вызова подкреплялась национально-политической позицией немецкого правящего

класса и растущей промышленно-экономической мощью Второго рейха, тогда как Великобритания в 1870-е гг. свой

пик мировой промышленно-экономической гегемонии уже прошла.

Британское общественное мнение, не ведавшее о закулисно-масонской подоплёке франко-прусской войны, победа

немцев напугала до такой степени, что в 1871 г. увидел свет рассказ «Битва при Доркинге», о котором упомянуто

выше. Ещё за 10—15 лет до этого идея высадки немецкой армии британцу и в голову не могла прийти, но жизнь

менялась. И фактором этого изменения стало формирование двухконтурной системы власти во Втором рейхе, в одной, отдельно взятой стране — до этого двухконтурной структурой власти обладали только британцы в наднациональном

формате. Хотя в «коварном Альбионе» угрозу осознали сразу, в 1870-е гг. британцам было не до Германии: ситуация

на Ближнем Востоке, русско-турецкая война и Большая Игра в Центральной Азии не позволяли им вплотную заняться

решением германского вопроса. Германия тем временем наращивала мощь, формировался русско-германский союз, а

экономическое положение Великобритании не улучшалось. В 1880-е гг. перед британской верхушкой остро встали два

тесно связанных вопроса — германский и русский. Рост Германии, «германского духа» надо было во что бы то ни

стало остановить, ну а русские ресурсы надо было поставить под контроль. И, конечно же, британцы не могли

допустить реализации их ночного кошмара — континентального русско-германского союза. Более того, британцы

могли остановить немцев только с помощью России, использовав её (а затем, по использованию, поставить на колени, как они это попытались сделать в 1917—1918 гг.). Как заметил А.Е. Едрихин-Вандам, решение британцами

германского вопроса *«возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной*

при непременно участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три

четверти всей тяжести войны на суше».

Отметим важнейшую деталь: в конце XIX в. само существование Британской империи, доминирующие позиции её

верхушки и закрытых наднациональных структур последней — всё это в решающей степени стало зависеть от

разрушения Германии и России, но средством разрушения мог быть только конфликт между ними. Завязанный тугим

узлом русско-германский вопрос стал центральным вопросом существования британской, а с определённого момента

американской верхушки в их глобалистских устремлениях. Глобалистский и имперский принципы организации

пространства несовместимы, особенно когда имперский принцип воплощается белой же, христианской, но не

протестантско-католической, а православной и к тому же некапиталистической по сути цивилизацией — Россией.

Решение германского вопроса британцами упиралось в европейскую войну, которую надо было каким-то образом

вызвать, причём так, чтобы впоследствии обвинить в её развязывании Германию, и в необходимость создания союза с

Россией. *«Очень трудно не желать новой франко-германской войны»*, — писал в 1887 г. лорд Солсбери британскому

послу в Париже. Было ясно, однако: даже с помощью Великобритании одна Франция против Германии не сдюжит.

Нужна была Россия. Один из самых зловещих персонажей XX в. Бертран Рассел, отмечая враждебность

Великобритании в 1902 г. как к Франции, так и к России, писал, что без «антанты» 1907 г. с Россией «антанта» 1904 г.

с Францией была бы бесполезна. С учётом полувекового англо-русского противостояния даже договора 1887 г. по

Афганистану, заключённого после Пандждехского инцидента (1885 г.), который едва не привёл к войне, было маловато

для фундамента нового союза. К тому же британцы стремились зажать немцев в клещи, а для этого нужна была

Франция как союзник Великобритании и России. Но в том-то и дело, что у Франции на тот момент были натянутые

отношения с Россией и ещё более натянутые — с Великобританией. И британцы нашли сильный нестандартный ход: прийти к союзу с Россией через союз с Францией, которая предварительно войдёт в союз с Россией. Эту схему

разбили на несколько ходов.

По-видимому, окончательное решение по разгрому Германии британцы приняли не позднее 1888 г. (экономические

проблемы подпирали), и работа закипела (забегая вперёд, отмечу, что именно в это время человек Ротшильдов Сесил

Родс начал создавать закрытую организацию управления нового типа). Сначала нужно было поработать над франко-русским союзом — задача не из лёгких, поскольку отношения Франции с Россией были не из лучших, а вот с

Германией французы начинали ладить. Убеждать французов двинуться в сторону России пришлось папе римскому. Он

едва ли с охотой взялся за это дело, но на тот момент Ватикан задолжал Ротшильдам, пришлось отрабатывать. Франко-русскому сближению способствовало и послебисмарковское ухудшение германо-русских отношений — отчасти

объективное, отчасти являющееся результатом действий в России британской агентуры влияния, тесно связанной с

британскими банкирами.

В 1892—1893 гг. результат — франко-русский союз — был налицо. Ну а положение Великобритании на мировой арене

осложнилось настолько, что Родс заговорил о необходимости создания единого англо-американского истеблишмента и

занялся созданием принципиально новых закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления, более адекватных новой эпохе, чем масонство, с одной стороны, и немецкая сверхложа и иные закрытые структуры —

с другой. Одной из таких новых структур стало общество под неброским названием «Мы» («We»), или «Группа» («The group» — существует до сих пор); за ним последовали другие, например, общество Милнера («Круглый стол»), выросшее из «Группы» и ставшее в определённый момент её ядром. Новые структуры активно включились в дело

спасения Великобритании путём уничтожения Германии с её двумя контурами власти (кстати, немцы тоже не дремали, создавая неоорденские структуры и корпорации нового типа) и разрушения России.

Следующим шагом долгосрочной стратегии Великобритании было подтолкнуть Францию к союзу с Альбионом. Для

этого нужно было решить две задачи. Во-первых, привести на первые роли во французском правительстве если не

пробританских деятелей (сразу сделать это было невозможно), то хотя бы готовых к диалогу с Великобританией и

антигермански настроенных. Решением этой задачи стало стартовавшее в 1894 г. «дело Дрейфуса» (якобы продажа

евреем Дрейфусом секретных документов Германии), главной мишенью которого был вовсе не Дрейфус, а министр

иностранных дел Габриэль Аното, сторонник сближения с Германией, Россией и Османской империей. За шумихой, поднятой «борьбой с антисемитизмом», отставка Аното прошла относительно спокойно. Его преемником стал Т.

Делькассэ, готовый к сотрудничеству с британцами и, самое главное, антигермански настроенный. Стратегию Аното

«двойного союза» с Россией, как заметила К. Уайт, он превратил в стратегию «окружения Германии». Это был

серьёзный британский успех.

Вторая задача заключалась в том, чтобы наглядно продемонстрировать французам: русские не столь сильны и не стоит

так уж слишком рассчитывать на них в противостоянии с Германией. А для этого, в свою очередь, нужно было реально

ослабить Россию, но только не в европейской зоне — там она ещё пригодится, а, так сказать, «на дальних берегах».

Например, на Дальнем Востоке. Для этого, в свою очередь, необходимо было подготовить и укрепить в этом регионе

будущего противника России. Им стала Япония. Но мало подготовить, надо было сделать так, чтобы Великобритания

для Японии оказалась единственным союзником, выгодно отличающимся в глазах японцев от других европейцев. Это

было тем более необходимо, что в Японии были весьма сильны антибританские силы — премьер-министр Окума и

поддерживающие его кланы, компания «Мицубиси».

Британцы сыграли свою роль в японско-китайской войне 1894—1895 гг. и в то же время воздержались от того, чтобы

оказаться среди европейских держав (Германия, Франция, Россия), которые не позволили японцам пожать плоды их

победы. Так Великобритания оказалась единственным потенциальным союзником или даже защитником Японии в

регионе, да и на мировой арене тоже. Окума был смещён, а британско-японское сотрудничество усилилось. В

результате в 1902 г. был заключён англо-японский договор, и британцы начали активно подталкивать Японию к войне

с Россией, а у русской верхушки не хватило ума этого конфликта избежать. Англо-японский договор сыграл

значительную роль в определении исхода японо-русской войны, в которой британцы активнейшим образом помогали

японцам. Аналогичным образом «играли» и американцы, действуя против России. Показательно, что, по

свидетельствам очевидцев, любимой мишенью для стрельбы в тире президента Т. Рузвельта, с которого в политике

США начинается поворот к новым отношениям с Великобританией, был портрет русского императора Николая II.

Британцы добились своей цели: из-за проблем России на Дальнем Востоке напуганные французы пошли на союз с

Великобританией (1904 г.). Россию британская агентура влияния, сорвавшая русско-германское сближение, наметившееся бьеркским соглашением двух императоров, подталкивала тоже к союзу с британцами, который после

войны с Японией и при наличии русско-французского и франко-английского союзов внешне казался логичным. В 1907

г. русско-английским союзом было оформлено то, что вошло в историю под названием «Entente» — «Антанта», или

«Сердечное согласие». До сердечности там было очень далеко, тем более, что Великобритания по сути не брала на

себя никаких обязательств, оставляя Францию и Россию один на один с Германией, и это был бесспорный успех

британской дипломатии, а точнее, тех сил, которые из-за кулисы направляли её развитие, готовя крупномасштабную

войну, новую передачу Карт Истории. И вот об этих силах имеет смысл сказать чуть подробнее и взглянуть на то, о

чем сказано выше, с другой стороны и под другим углом зрения, а после мы вернёмся в 1907—1908 гг.

IX

Подъём Второго рейха, экономические проблемы поздневикторианской Великобритании, связанные с экономической

рецессией 1873—1896 гг., экономический рывок США — всё это создало в последней четверти XIX в. ситуацию, резко

контрастировавшую с предшествовавшей эпохой, причём не только с той, что началась победой масонской революции

во Франции и окончилась ликвидацией «братьями» Великобритании, Пруссии и Второй империи во Франции (1789—

1871 гг.), но и с эпохой господства масонства в качестве главной оргформы конспироструктур и важнейшего субъекта

наднационального управления (1710—1870-е гг.). В 1870—1880-е гг. стало ясно, что масонство в качестве

доминирующей оргформы закрытых наднациональных форм согласования и управления не срабатывает, не адекватно

современному миру. Тем более, что оно раскололось на два противоборствующих лагеря, один из которых —

немецкий — был, во-первых, национально ориентированным и нелиберальным, что явно нарушало либерально-космополитические принципы континентальных лож масонства; во-вторых, явно противостоял Великобритании и её

ложам, как островным, так и континентальным.

Перед британским правящим классом, который в течение почти двух столетий в той или иной степени контролировал

все или почти все масонские ложи Европы, остро встала задача создания принципиально новой формы организации

закрытых наднациональных структур согласования и управления, подкреплённых британской мощью. А вот с этим-то

как раз были проблемы: для тех задач, решением которых должна была заниматься новая закрытая («тайная») структура (или структуры), одной британской мощи было недостаточно, и альбионские «конструкторы» с

необходимостью развернулись в ту единственную сторону, в которую они могли развернуться, — в сторону США.

Выход они увидели в укреплении англо-американского (англосаксонского) единства — финансово-экономического и

политического, вплоть до формирования англо-американского истеблишмента, разумеется, главным образом тайного.

Только такой субъект мог решить «пятиугольную» («пентаграммную») задачу:

— поставить под контроль финансы США, создав таким образом единую англосаксонскую финансовую систему;

— сокрушить Германию (и другие европейские и евразийские империи);

— присвоить русские ресурсы, ослабив, а ещё лучше полностью разрушив Россию;

— развязать евразийскую, а ещё лучше мировую войну и таким образом устранить конкурентов;

— установить мировое господство англосаксов как особой (высшей) расы под эгидой созданного ими же мирового

(наднационального) правительства.

Расовый аспект британского господства в качестве ставившейся задачи необходимо особо подчеркнуть. Об этом

писали многие представители закрытых британских структур.

Ограничусь А. Милнером: *«Я империалист, а не*

сторонник Малоанглии (not a little Englander), потому что я патриот Британской Расы. Британское государство

должно следовать за расой». Нацисты Третьего рейха лишь вульгарно реализовали на практике расистские идеи и

схемы, разработанные в последней трети XIX — начале XX в. британской аристократией и её интеллектуальной

обслугой. На «десерт» фраза Г. Уэллса, сказанная им в 1902 г.:

«Единственным разумным и логичным решением в

отношении низшей расы является её уничтожение». Если учесть, что для Уэллса, Киплинга и многих их

единомышленников в разряд «низших рас» автоматически попадали те, кто сопротивлялся установлению британского

господства над ними, то ситуация проясняется вполне. Недаром в одном из стихотворений Киплинга говорится о том, что если «чёрная сволочь» не захочет понять цивилизаторских устремлений британца, белого человека, то *«эту*

чёрную сволочь пулемётом надо унять».

Обычно расизм и крайний национализм ассоциируется у нас с немецким нацизмом. Однако у нацистов были учителя

— влиятельная часть британской верхушки и её интеллектуальная обслуга. *«Только в Англии, — писала Ханна Арендт,*

— расовые идеологии могли развиваться непосредственно на основе национальной... традиции». Я цитирую Х.

Арендт по замечательной работе М. Саркисянца «Английские корни немецкого фашизма», изданную в Германии в

1997 г. на основе курса лекций, прочитанного в Гейдельбергском университете (русский перевод: СПб.: Академический проект, 2003). В ней очень хорошо показан этнический и классовый расизм верхов британского

общества как их естественная идеология. «Порок» Гитлера и его команды в глазах этих людей заключался вовсе не в

расизме, а в том, что его реализуют лавочники, представители среднего класса, претендующие на роль властителей, что позволительно только аристократам. Общеизвестно презрение британской аристократии не только к «пролам», но

и к «мидлам», каких бы успехов они ни добились — достаточно вспомнить её отношение, будь то королева или Ким

Филби, к Тэтчер.

Инициатором создания нового субъекта мировой игры, субъекта уже не просто наднационального европейского, а уже

мирового управления выступил, как уже говорилось выше, Сесил Родс, за которым стояли Ротшильды.

«В зимний день в феврале 1891 г. три человека вели откровенную беседу в Лондоне. Последствия этого разговора

имели значение огромнейшей важности для Британской империи и мира в целом». Так начинается интереснейшее

исследование «Англо-американский истеблишмент» блестящего историка Кэрролла Куигли. Три человека, о которых

идёт речь, — три убеждённых британских империалиста: Сесил Родс, журналист и разведчик Уильям Стэд (Стид) и

Реджиналд Бэлиол Бретт (впоследствии — лорд Эшер, доверенное лицо сначала королевы Виктории, а затем Эдуарда

VII и Георга V). Тройка собралась для обсуждения вопроса о создании тайной организации, которая должна взять на

себя реальное руководство внешней (а во многом и внутренней) политикой Великобритании, укрепить Британскую

империю в новых условиях (немецкий вызов), подключив к процессу укрепления США и создав нечто вроде единого

англо-американского истеблишмента, господствующего над миром. Имелось в виду одновременно мировое господство

«англосаксонской расы» (доктрина расизма была детально разработана во второй половине XIX — начале XX в.

именно в Великобритании, а не в Германии, позднее реализовавшей британские наработки на практике) и господство

британского правящего класса с его социально-политическими и идейно-интеллектуальными традициями.

Идея тайной англо-американской организации была сформулирована Родсом ещё в 1877 г. в его первом завещании

(завещаний было семь, поскольку ультраколонизатор был довольно хлипкого здоровья), и конспироструктура

упоминается в пяти из них. Родс формулировал цель организации так:
«Распространение британского правления в

мире, совершенствование системы эмиграции из Соединенного Королевства и колонизации британскими подданными

всех земель, где средства к существованию можно приобрести энергией, трудом и предприимчивостью... в конечном

счёте возврат Соединенных Штатов Америки как составной части Британской империи, консолидация всей

империи, введение системы колониального представительства в имперском парламенте, что может

способствовать сплочению разъединённых членов империи, и, наконец, основание такой великой державы, которая

сделает войны невозможными и будет содействовать лучшим интересам человечества». Родс полагал, что в

меняющихся условиях конца XIX в. *«лишь тайное общество, постепенно поглощающее богатства мира»*, способно

сохранить господствующие позиции британской аристократическо-банкирской олигархии в мире. Особого внимания

заслуживает тезис о поглощении тайным обществом мирового богатства как условия и цели его существования. По

сути речь идёт о глобальном отъёме активов таким субъектом, который существует тайно, в закрытом режиме.

В качестве модели организации и функционирования тайного общества Родс избрал иезуитов. В двух его последних

завещаниях общество не упомянуто: будучи уже весьма известным, Родс не хотел привлекать к нему внимание. Члены

группы (она и называлась «Группа»), в которой выделялись два круга — внутренний («Общество избранных») и

внешний («Ассоциация помощников»), — были активны в сферах политики, журналистики, науки и образования.

Особое внимание «Группа» и фактически возглавивший её после смерти Родса (Родс умер от сердечного приступа в

1902 г.) Милнер уделяли СМИ. Так, ими был установлен контроль над немалой частью британской прессы. «Группа»

одобрила тот факт, что Альфред Хармсуорт («их человек») стал в 1908 г. владельцем самой важной из британских

газет — «Таймс», которая сразу же получила беспрецедентный доступ к делам министерств обороны, иностранных

дел, колоний. Кроме «Таймс» под контролем Хармсуорта (а следовательно, организации Милнера) было немало

«массовой» прессы, неудивительно, что «Группа» помогла Хармсуорту стать лордом Нортклифом. «Таймс»

превратилась в рупор «Группы», а с 1910 г. началось издание ежеквартальника «The Round Table». Журнал должен был

влиять на тех, кто формирует общественное мнение, определять повестку дня. Кроме того, «Группа» оказывала

существенное влияние на журналы «Quarterly Review», «The Economist» и «Spectator».

Ближе к началу мировой войны «Группа», опираясь на генералов и офицеров, многие из которых проходили службу в

Южной Африке, существенно укрепила свои позиции в военной сфере.

Стратегия общества (группы) была проста: во-первых, привлечение на свою сторону людей со способностями и

положением и привязывание их к блоку посредством либо брачных уз, либо чувства благодарности за продвижение по

службе и титулы; во-вторых, влияние с помощью привлечённых на государственную политику, главным образом путём

занятия членами группы высоких постов, которые максимально защищены от влияния общественности, а иногда по

своей сути просто скрыты от неё.

Создание организации Родса - Милнера Куигли считал *«одним из важнейших фактов истории XX века»*. Её члены

умело скрывали её существование, поскольку, будучи видными представителями старого привилегированного класса, прекрасно понимали: реальная, т.е. тайная власть намного более важна и эффективна, чем внешняя форма партийно-политического толка; партии и политические организации уже тогда практически превратились в функциональные

органы закрытых структур власти. Идеино-интеллектуальным центром организации и — в перспективе — центром

подготовки политической и интеллектуальной верхушки англосаксонской расы господ стал Оксфорд.

Родс успел заложить мощный фундамент под структуру, которая должна была стать оргоружием мирового управления

узкой группы британско-американской верхушки, и назначил пять доверенных лиц, которые должны были дальше

развивать дело жизни — его и Ротшильдов. Это были лорд Натаниэль Ротшильд, лорд Розбери, эрл Грей, Альфред

Байт, Леандер Стар Джеймсон (гомосексуальный партнер Родса) и Альфред Милнер, которому суждено было сыграть

огромную, во многом определяющую роль в развитии британских закрытых наднациональных структур согласования

и управления.

Как отмечают Дж. Доэрти и Дж. Макгрегор, вместе пятёрка лидеров тайного общества, целью которого было создать

тайную элиту мирового масштаба, — Родс, Стэд, Эшер, Ротшильд и Милнер — представляли собой принципиально

новую силу в британской политике, родившуюся в 1880—1890-е гг., но с ними активно сотрудничали представители

традиционных аристократических семейств, господствовавшие в Вестминстере и часто тесно связанные с монархией.

Например, Роберт Гаскойн-Сесил, третий маркиз Солсбери, контролировавший Консервативную партию; Арчибальд

Примроуз, пятый эрл Розбери — почти полный хозяин Либеральной партии и другие. Доэрти и Макгрегор

подчёркивают, что британскую политическую жизнь контролировали полдюжины семей, часто связанные брачными

узлами, однако эпоха заставила их «рекрутировать» новую кровь — главным образом из оксфордских Бэллиола и Нью-Колледжа. Таким образом тайная организация во главе с «пятёркой» (не кембриджской, а покруче) стала ударной

частью старого британского класса и одновременно ядром новой мировой англо-американской элиты, различные

сегменты которой к тому же крепко связал еврейский капитал. Ещё раз напомним: возобновление значительных связей

с США и всемерное укрепление этих связей было центральным пунктом программы Родса — без этого заявленное в

качестве цели «господство англосаксонской расы» и британской модели в мире XX в. было бы невозможно.

Х

В начале 1890-х гг., изрядно потрепанная рецессией 1873—1896 гг. Великобритания нуждалась в средствах. В не

меньшей степени в независимых финансовых источниках остро нуждалась «Группа», и взоры её членов обратились к

Южной Африке. В 1889 г. по модели Ост-Индской компании была создана Британская Южно-африканская компания, чьей задачей было спровоцировать войну с бурами и захватить золотые прииски в Трансваале. Однако попытка

организовать в 1895 г. восстание англичан («ойтландеров») против буров и начать войну провалилась, нанеся

репутационный ущерб Родсу, и тогда за дело взялся назначенный верховным комиссаром Капской колонии Милнер.

Его целью, как ранее «сладкой парочки» Родса и Джеймсона, было спровоцировать войну. «Группа» нейтрализовала

влияние министра по делам колоний Джозефа Чемберлена, который не хотел войны с бурами, развязала войну и

довела её до победного конца. Впрочем, репутация самого Милнера была изрядно подпорчена его ролью в

организации концлагерей для мирного населения, в которых погибли 32 тыс. бурских женщин и детей.

В любом случае, однако, «Группа» сорвала тот куш, к которому стремилась, и могла приступить к реализации уже

десятилетие вынашиваемого плана войны с Германией, войны, которую невозможно было выиграть без

континентальных союзников — Франции и России. После заключения в 1904 г. англо-французского союза «Группа»

начала активно поддерживать реваншистски настроенные группы во Франции, вступив с ними в тесный контакт.

Сразу же после окончания русско-японской войны, начатой японцами при активном участии и с помощью со стороны

британцев, началась обработка России. Понимая геополитическую потребность России в реальном военно-морском

порте в незамерзающем море и лишив её возможности создать такой порт на Дальнем Востоке, британцы принялись

соблазнять русскую верхушку Константинополем и Проливами, объясняя, что единственное средство обретения

контроля над ними — война с Германией, т.е. разжигая российско-германский конфликт. Англо-русская конвенция

(формально) по Персии устранила последнее препятствие на пути формирования антинемецкого союза, а тесно

связанный с «Группой» (по мнению ряда исследователей — её высокопоставленный агент в России) Александр

Извольский помог «Группе» и Эдуарду VII сорвать бьеркское соглашение царя и кайзера — за это «Группа»

поспособствует назначению его министром иностранных дел Российской империи (1906—1910 гг.), а когда ей

понадобится — перебросит во Францию в качестве российского посла (1910—1916 гг.); одновременно в самом

Альбионе «Группа» начала активно продвигать Черчилля и Ллойд-Джорджа.

Извольский, получавший от «Группы» не только карьерную поддержку, но и, по-видимому, деньги, делал всё для

возмущения балканских государств, прежде всего Сербии и Боснии, против Германии и Австро-Венгрии. В России его

остро критиковали и даже высмеивали за это, однако поддержка со стороны верного союзника «Группы» Эдуарда VII неизменно спасала его — король неоднократно заступался за одиозного «международника» перед Николаем II.

Необходимо подчеркнуть, что в смертельной игре, затеянной «Группой», Извольский играл на стороне не России, а

«Группы», т.е. определённого сегмента британской верхушки, представляя российскую ячейку в сплетённой ими сети.

Извольский был не единственным европейским политиком, «подтянутым» к внешнему кругу «Группы» — селекция

велась и в других странах, прежде всего во Франции (например, Делькассэ при всей его националистической

риторике, другие члены правительства, включая Пуанкаре), не говоря уже о просторах Британской империи (включая

Индию — речь идёт о важных деятелях национально-освободительного движения, завербованных МИ-6 в качестве

агентов «глубокого залегания») и самой Великобритании. При этом активно использовались слабости и пороки. Так, Ллойд-Джордж попал в сеть из-за своей любви к «красивой жизни» и ненасытному сексуальному аппетиту.

Ну и, конечно же, огромное внимание уделялось США. Еще в 1902 г. в Великобритании было создано «Общество

пилигримов» («Pilgrim society»), чьей главной целью было развитие дружественных отношений с США. «Родсовские

стипендии», большую часть которых получали и получают американцы, готовили не очень большой по численности, но очень влиятельный пробритански настроенный сегмент американской элиты. Небольшим, но опять же очень

влиятельным, был британски ориентированный сегмент финансистов США. Экономическая власть в Америке в

начале XX в. принадлежала нескольким семейным династиям, сконцентрированным в Нью-Йорке, прежде всего

Морганам и Рокфеллерам. Ротшильды были тесно связаны с Морганам, а также с банкирскими семьями Куна, Лёэба, Шифа, Пола (Пауля) Варбурга, оказывая через них влияние на финансовую и политическую ситуацию в США и, естественно, сталкиваясь при этом с Рокфеллерами.

Другим направлением серьёзного влияния Ротшильдов была Россия. К 1914 г. 80% российских долгов принадлежали

французским банкам, а эти банки, как и Банк Франции, контролировались очень небольшой группой, главными в

которой были Ротшильды. Лондонские и парижские Ротшильды предоставляли займы России, в то же время

спонсируя через третьи и четвёртые компании революционеров и либералов, работая на ослабление и — в

перспективе — разрушение российского государства. Нужно сказать, что Ротшильды, как правило, предпочитали

действовать, используя в качестве ширмы другие компании или даже цепочки компаний — это их фамильный почерк; поэтому мало кто знает, что и как реально контролируют Ротшильды, а некоторые даже наивно полагают, что эта

семья давно уже находится если не вне игры, то на её втором плане.

Разрушать США Ротшильды и их англо-американские партнёры не собирались: США — не Германия и не Россия.

Здесь была задействована иная схема: установление контроля над финансами США, а следовательно над Америкой

как государством, т.е. частичное лишение США суверенитета. К этому англо-американские банкиры шли несколько

десятилетий. На этом пути физически уничтожались те президенты США, которые сопротивлялись этому, —

Линкольн, Гарфилд, Маккинли. Чтобы добиться установления контроля частных банков над денежной массой, в 1907

г. банкиры спровоцировали в США финансовый кризис, однако он не решил поставленной задачи, и банкиры, отступив (*«кто отпрыгнет дальше всех, сможет прыгать ещё раз»* — Конфуций), начали более тщательную

подготовку, которая потребовала появления в президентском кресле недалёкого полублаженного марионетки по

фамилии Вильсон, всем обязанного благодетелям-финансистам. Он-то и подпишет «указ» о создании Федеральной

резервной системы (ФРС), а заодно и о некой поправке к Конституции США, без которой ФРС не смогла бы

наживаться на монопольном печатании своих фантиков. Вильсон сделал фантастический подарок банкирам и их

конспироструктурам: частные лица (банки, семьи) взяли под контроль финансы США и начали борьбу за контроль над

мировыми финансами. Первая мировая война, под финансирование которой, помимо прочего, ФРС и создавалась, должна была решить эту проблему. Но не решила, хотя сильно продвинула процесс по её решению. Вернёмся, однако, в 1907—1908 гг.

XI

В это время «хозяева мировой игры», игроки и их ближайшее окружение завершили предварительную подготовку к

войне как средству установления мирового контроля, выстроились для атаки, подобно смертоносным торпедам

(«катер-17» из «Тайны двух океанов»), расставили «камни» на ключевые точки, подобно игрокам в вэйци/го. Атака

должна была развиваться по нескольким направлениям:

— завершение операции по установлению контроля над денежной массой США посредством создания принципиально

новой финансовой организации, адекватной новым криптополитическим структурам англо-американского

истеблишмента; именно «инновационная» финансовая организация была необходима для финансирования Большой

войны;

— интенсификация натравливания России на Германию и Австро-Венгрию с активным использованием Балкан в

качестве зоны создания будущего *casus belli*;

— провоцирование Германии на военный конфликт — так, чтобы впоследствии всю вину можно было бы свалить на

немцев, рассчитавшись с ними за «вероломство» начала 1870-х гг. (выход из-под контроля британских лож);

— создание у немцев впечатления о полном нейтралитете Великобритании в случае военного конфликта «фланговых»

(Россия, Франция) держав с «центральными» (Германия, Австро-Венгрия), т.е. заманивание Германии в британскую

ловушку;

— в то же время активная работа на Балканах по созданию там ловушки для всех континентальных держав, прежде

всего для российской и двух немецких империй, т.е. работа на осуществление предсказания Бисмарка о том, что если в

Европе вспыхнет новая война, то это произойдёт из-за какой-то глупости на Балканах; речь, стало быть, шла о

подготовке этой глупости, причём таким образом, чтобы она и выглядела глупостью, случайностью, в которой можно

было бы обвинить кого угодно, только не британцев.

Решая все эти проблемы, «Группа» и её союзники расширяли свою сеть в Европе, активно включая в неё российских

дипломатов — ставшего послом во Франции Извольского и посла в Сербии Н. Хартвига; были установлены контакты

с новым министром иностранных дел Российской империи С. Сазоновым. Трудно сказать, до конца ли последний

понимал все детали игры, но суть игры и то, что его «играют», он не понимать не мог. Однако министр предпочитал не

вступать в конфликт с могущественными игроками, тем более, что серьёзной поддержки со стороны царя не было; впрочем, и

подыгрывать поджигателям Сазонов не хотел и не собирался. Повторю ещё раз: Извольский и Хартвиг

работали не на Россию, которой война с Германией была не нужна, а на «Группу» (в качестве её «внешнего круга»,

«фигур»), которой нужна была война и которая решила навязать её всему миру, включая ту часть британского

истеблишмента и политического класса, которая войны не желала. В этом плане Первая мировая война, её начало —

это триумф, победа наднационального Чужого и Хищника в одном оргфлаконе над государствами Европы и Америки

(США); победители получили выгоду в той степени, в какой они были либо «портом приписки», либо союзниками

«Группы» (на Россию это не распространялось, она исходно была мишенью, на которую напялили маску с надписью

«союзник»).

Итак, в 1907—1908 гг. после почти 20-летней игры Великобритания и «Группа» сдали себе козыри, подготовив сцену

для русско-германской войны. Теперь оставалось лишь поджечь бикфордов шнур, чтобы, потирая руки, подобно

гайдаровскому Плохишу возрадоваться: *«То-то сейчас рванёт»*. Вопрос «где рванёт?», по сути, не стоял. Ясно где —

на Балканах. Выше уже упоминалось о том, что на рубеже 1870—1880-х гг. Бисмарк предупреждал: новая война в

Европе вспыхнет из-за какой-нибудь глупости на Балканах. Особенно, добавлю я, если «глупость» хорошо

подготовить. И её начали готовить сразу же после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а после 1907 г. процесс резко

интенсифицировался на той основе, которую создавали в течение двух десятилетий. И к концу этого периода кое-какая

информация не могла не просочиться. Я говорил, что в начале 1914 г. будущий диктатор Польши, а тогда ещё

социалист Ю. Пилсудский по сути предсказал ход будущей войны и разгром в ходе её Австро-Венгрии, Германии и

России (Пилсудский ошибся лишь в очередности).

Войну в Югославии середины 1990-х гг. писатель О. Маркеев назвал «модельной» — в том смысле, что в ней

обкатывались определённые модели действий в чрезвычайных ситуациях, будущих возможных действий против

полиэтнической и поликонфессиональной (как и Югославия) России, шла вербовка и ликвидация чужих, закладывались развед- и спецсети для будущих операций. Больше всего шустрили, естественно, американцы, британцы, немцы, ну и — в меньшей степени — представители ближневосточных и средневосточных стран. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и «послесловие» к ней тоже стали временем раскидывания сетей для будущих

операций. «Кидальщиками» были главным образом англичане, для разведки которых Балканы были традиционной

зоной деятельности — об этом очень хорошо написал У. Стид (Стэд) в двухтомнике «Парламентарий для России», вышедшем в конце XIX в. Британцы, конкурируя с русской и австро-венгерской разведками, создали на юге Балкан

свою сеть тайных организаций, включая сербские террористические, которые они использовали «втёмную» (или

«вполутёмную»).

К 1912 г. англо-американская элита дважды неудачно пыталась спровоцировать Германию на войну — две балканские

войны. Эти неудачи заставили «Группу» окончательно сконцентрироваться на Балканах в качестве места будущего

взрыва, а ещё точнее — на Сербии. Почему на Сербии? Во-первых, из-за её связей с Россией — манипуляции по этой

линии могли вызвать русско-германский конфликт. Во-вторых, Сербия была буквально наспигована британской

агентурой. В-третьих, среди балканских стран именно Сербия была наиболее зависима от иностранного капитала, а

потому здесь было где разгуляться европейцам вообще и британцам в особенности. Вот что пишут по этому поводу

Дж. Доэрти и Дж. Макгрегор: *«...балканские страны не имели ни инфраструктуры, ни инвестиционного капитала для*

освоения своих природных ресурсов. Румыния и Сербия особенно зависели от международных банкиров, в результате

реальное богатство уплывало в Лондон, Париж и Вену. Прежде чем сделать что-либо для развития местной

промышленности, европейские финансисты высасывали всё что могли из сербской национальной экономики. Банки

использовали местных агентов, влиятельных политиков, представителей законодательной и исполнительной власти

в качестве посредников между европейской биржей и Сербией. Лев Троцкий, тогдашний корреспондент “Киевской

мысли ” по Балканам, писал: “Одна и та же дверь (в Сербии. — А.Ф.) ведёт в министерство и в дирекцию банка. ”

[...] Сербию тщательно готовили для очень специальной роли. Она была идеально расположена в качестве эпицентра

сейсмического взрыва, который должен был уничтожить старый порядок». Именно здесь орудовали представители

«Группы» — британские и русские. Николай Хартвиг, посол России в Сербии, по сути контролировавший

правительство Пашича, был тесно связан с полковником Д. Дмитриевичем (Аписом) — руководителем

полумасонской-полутеррористической организации сербских националистов «Чёрная рука», участником убийства

короля Александра в 1903 г. и (по официальной версии) одним из организаторов убийства Франца-Фердинанда в 1914

г.

Именно Извольский и Хартвиг в компании с Бушье создали Балканскую лигу, объединив балканские страны в союз, объективно направленный против союзников Германии — Османского султаната и Австро-Венгрии. Результаты не

замедлили ждать — Первая Балканская война против Османов и Вторая Балканская война против Болгарии, традиционного тогда (и сегодня, после разрушения СССР) союзника немцев. Однако в обоих случаях ни в 1912, ни в

1913 г. кайзер не поддался на провокацию, предпочитая дипломатию. К тому же он верил в возможность договориться

с британцами о нейтралитете (в 1941 г. в аналогичную ловушку, по-видимому, угодит Гитлер — история повторяется), тем более что

британцы сделали всё, чтобы убедить его в этом. В феврале 1912 г. с визитом в Германию отправился

лорд-канцлер Р. Холдейн, во время которого убедил (по сути обманул) кайзера в том, что Второй рейх вполне может

заключить договор о нейтралитете с Великобританией — как говорится, «не вижу препятствий». По крайней мере, так

полагал Вильгельм, обработанный Холдейном.

В том же 1912 г. американским банкирам, многие из которых были активными членами Общества пилигримов, удалось протолкнуть в Белый дом свою марионетку — Вильсона, который на первом же году своего президентства

(1913 г.) подписал указ о создании Федеральной резервной системы (ФРС) — денежная масса перешла в

собственность и под контроль ограниченного числа частных банков. Теперь можно было начинать мировую войну —

это уже был вопрос техники: выстрел в Сараево заказывали? Получите. И Франца-Фердинанда, кстати, противника

войны со славянами, убивают вместе с его женой. Убивает член «Чёрной руки». Почему-то забывают, что через два

дня в Париже убивают ещё одного противника войны — политика европейского уровня, социалиста Жореса. А

месяцем раньше тяжелейшую (планировалось — смертельную) рану от удара ножом получает Распутин. Позже он

скажет, что если бы был не в больнице, а при дворе, «папа» (так он называл Николая II) не стал бы воевать, — он, Распутин, сумел бы убедить его. Скорее всего, действительно, мог бы.

Попытка Гаврилы Принципа покончить с собой сразу же после убийства эрцгерцога не удалась: цианистый калий не

сработал. Так и должно было быть — убийца-серб был необходим для дачи показаний, для следствия, для суда, т.е. для

разжигания конфликта. Ну а после того, как мавр сделал свое дело, можно и умирать — Принцип умер в 1918 г. от

туберкулёза в тюрьме. Хартвиг скоропостижно скончался в том же 1914 г. в австрийском посольстве в Белграде (sic!); Аписа расстреляли в 1917 г.; в 1917 г. же году таинственно исчезла переписка Хартвига с Сазоновым. Ну а в 1919 г., как только принялся за мемуары, внезапно скончался Извольский. Мёртвые молчат (впрочем, не всегда).

Сразу же после выстрела в Сараево британцы, главным образом члены «Группы» и их союзники, начали

манипулятивную игру в Вене и Петербурге. Британские политики и пресса — внимание! — однозначно выступили на

стороне Австро-Венгрии, поддержали её претензии к Сербии и осудили сербов. У австро-венгров создавали

впечатление, что европейское общественное мнение, или, как сейчас говорят, «мнение международного сообщества», на их стороне. Более того, британская пресса квалифицировала убийство как акт агрессии со стороны Сербии, на

который Австро-Венгрия просто обязана ответить. Центром важнейших политических решений для Европы

становился в этой ситуации Петербург; точнее, британцы умело переместили его туда.

Задачей агентуры «Группы», которым в России активно помогали посол Франции Палеолог и посол Великобритании

Бьюкенен, было обеспечить жёсткую позицию Петербурга по отношению к Вене. Все попытки Сазонова смягчить

ситуацию — он понимал, что России война не нужна, более того, она для неё опасна — пресекались этой «бригадой».

А царь вёл себя вяло, словно полагаясь на волю рока. Роль «рока» исполняли «Группа» и её агентура.

Провоцировать Россию нужно было для того, чтобы спровоцировать на агрессивные действия Германию: «Группа», Грей, Бьюкенен и К° прекрасно понимали, что в самой Великобритании мало кто хочет войны и что военные

настроения не возникнут до тех пор, пока Германия не проявит агрессию по отношению к России и Франции. В свою

очередь это проявление зависело от позиции Великобритании. Если бы та заявила о своей солидарности с

«фланговыми» державами, кайзер ни в коем случае не стал бы рисковать, никакой войны бы не было и многолетние

усилия поджигателей и заговорщиков пошли бы прахом. Поэтому «Группа», Эдуард VII и министр иностранных дел

Грей сделали всё, чтобы убедить Вильгельма в британском нейтралитете; Грей постоянно говорил о возможном

конflikте как «конflikте четырёх», автоматически исключая Великобританию из числа его участников; британские

журналисты и парламентарии писали и говорили (многие вполне искренне) о Германии и Австро-Венгрии в

спокойном тоне, убаюкивая тем самым немцев. Кстати, Г. Уэллс в «Автобиографии» признал, что Э. Грей начал (!) войну, позволив кайзеру и правительству Германии поверить в то, что Британия не вступит в войну даже в том случае, если Германия её начнет. И

простаки-фрицы поверили! По-видимому, не на высоте оказалась и немецкая разведка, пропустившая важный знак: по признанию лорда Луиса Маунбеттена его отец, второй лорд Адмиралтейства, привёл

британский флот в боевую готовность за неделю до начала войны, о чём сообщил королю.

«Группе» и их «клубным» союзникам удалось дезинформировать многих британских парламентариев по вопросу о

том, как реально развивается ситуация в Европе и насколько она взрывоопасна. Между тем к 25 июля 1914 г. Грей уже

знал, что Россия готова к войне, поскольку действия Австро-Венгрии и их умелая интерпретация агентурой «Группы»

сделали своё дело: 26 июля, реагируя на частичную мобилизацию Австро-Венгрии (в ответ на сербскую

мобилизацию), царь отдал приказ о частичной мобилизации русской армии. Несмотря на это, убаюканный британцами

(как же, они ведь сохраняют нейтралитет!) кайзер был уверен, что конфликт между Австро-Венгрией и Сербией не

выйдет за локальные рамки и не станет серьёзным. Но британцы кашу заварили вполне серьёзно, и Вильгельм уже

оказался в ловушке, причём он даже не понимал, до какой степени.

В «Группе» и союзных ей клубах и ложах прекрасно понимали, что в случае войны с Францией немцы двинутся через

Бельгию, нарушив тем самым её нейтралитет и обеспечив против себя casus belli. Но было ясно, что и немцы это

понимают и могут попытаться сыграть иначе. На этот случай у «Группы» был «план № 2», который по сути не

оставлял Германии ни единого шанса избежать войны и быть обвинённой в её развязывании.

В течение какого-то времени, предшествовавшего началу Первой мировой войны, агентура «Группы» закупала в

Германии оружие и боеприпасы и перевозила в Ирландию, где вооружала как протестантов Ольстера, так и католиков

юга страны, готовя «вооружённое восстание ирландцев против Великобритании и протестантов». В организации

восстания обвинили бы Германию (а как же — чьё оружие?) — и это стало бы поводом для войны. Однако «план № 2»

не понадобился, всё произошло иначе, и решающую роль на самом последнем этапе, в открытии крышки «кладези

бездны», в разжигании европейского конфликта, который со временем превратился в мировой, сыграл министр

иностраннх дел Великобритании Эдуард Грей, а помогал ему ещё один человек «Группы» — Ллойд-Джордж.

Впрочем, и другие тоже старались.

Многие члены Кабинета министров Великобритании и парламентарии, если не большинство, были против войны, и

«Группа» должна была обойти, переиграть их, навязать свою волю. Здесь-то и проявилось преимущество небольших, хорошо организованных и действующих тайно, практически в режиме заговора групп, контролирующих власть, информацию и собственность, над так называемыми «политиками» открытого контура; последних в этой ситуации

иначе чем «лохами» назвать нельзя.

Не только не имея разрешения, но не поставив кабинет в известность, Черчилль начал мобилизацию флота; премьер-министр Асквит отправил Холдейна в военное министерство для мобилизации армии, а Грей заверил Поля Камбона, что Великобритания защитит Францию от агрессии. 3 августа 1914 г. Грей выступил в Палате общин с абсолютно

лживой речью о том, что министерство иностранных дел сделало всё, чтобы сохранить мир. Несмотря на то, что

члены Палаты общин поддержали воинственные заявления Грея, они всё же заявили о необходимости дебатов. Асквит

попытался резко одёрнуть их, однако решение о необходимости дебатов по речи Грея всё же было принято.

«Групповикам» нужно было срочно спасти ситуацию — дебаты могли развернуться не в их пользу. Решающую роль

сыграл Грей. Сразу после перерыва он спешно покинул Парламент и отправил жёсткий ультиматум Германии, зная то, чего не знали парламентарии, — а именно, что немецкое вторжение в Бельгию в ответ на действия Франции уже

началось и никакие ультиматумы его не остановят. Однако ультиматум нужен был для предъявления парламентариям, как психотерапевт.

Когда после перерыва Палата собралась для дебатов, против сторонников мира выступил член «Группы» А. Бальфур.

Он заявил, что для дебатов не хватает кворума, а сами они произведут плохое впечатление на публику, и

парламентарии скисли. Вопрос о войне был решён, и 4 августа Георг V в Бакингамском дворце объявил войну

Германии. Это стало неожиданностью и ударом для Вильгельма, своеобразной «чёрной меткой»: *«Дело сделано, Вилли»*. Теперь он мог

сколько угодно топтать ногами в ярости, изрыгать проклятья в адрес «подлых торгашей» —

ловушка захлопнулась, Германия оказалась в состоянии войны на два фронта с тремя ведущими европейскими

державами.

Английский историк Н. Фергюсон неуклюже пытается объяснить возникновение Первой мировой ошибками

Великобритании и её дипломатов. Нет, дружок, это не ошибка, а реализация чёткого плана, доведение до конца линии, задуманной в 1880-е гг. Ясно, что Н. Фергюсон, ранее написавший панегирическую биографию семьи Ротшильдов, пытается выгородить Великобританию; можно только посочувствовать — тяжело человек свой хлеб зарабатывает, трудно доказать недоказуемое. Кто не слеп, тот видит: именно Великобритания, международный союз англо-американских банкиров и аристократов, организованный в клубы и ложи, до краёв наполнили ту чашу, капнуть

последнюю, переполняющую каплю в которую они сумели заставить простака Вильгельма. Вообще надо сказать, что

англосаксам в начале XX в. сильно повезло: во главе государств-мишеней они имели двух недалёких, неадекватных

современному им миру правителей — Вильгельма II и Николая II. И если про Вильгельма уже почти забыли, то с

Николаем II иначе — до сих пор находятся историки, которые пытаются «петь» этого бездарного правителя как

крупного государственного деятеля.

Уже август 1914 г. (не говоря о войне в целом) доказал правоту А.Е. Едрихина-Вандама, предсказавшего успех

Великобритании в борьбе с Германией только в том случае, если на стороне британцев выступит Россия, которая

потащит три четверти военного бремени. В августе 1914 г. наступлением в Восточной Пруссии, проведённым до

завершения мобилизации, Россия спасла Париж и Францию. Не произойди этого, война — с разгромом Франции —

закончилась бы по-другому: возможно и не победой Германии, но и не её поражением.

Верные замыслу организации взаимного уничтожения Германии и России в ходе войны, с конца 1916 г., когда стало

ясно, что война выиграна и Германия будет повержена, британцы обратились к решению русского вопроса. Они

поддержали заговор против Николая II (показательно, что и Распутина убивать был прислан киллер именно из

Лондона); без этой поддержки заговор едва ли состоялся бы — при желании британцы могли элементарно разрушить

его. Зато в случае свержения монархии в России они получали благодарное им пробританское правительство, которое

не только не посмело бы требовать то, что было обещано Николаю II (Константинополь и Проливы), но стало бы

послушным орудием в руках «Группы» и позволило бы полностью превратить Россию в сырьевой придаток

англосаксонского Запада.

В 1919 г. Российской, Германской и Австро-Венгерской империй уже не существовало. Версальская система, созданная политической обслугой Ротшильдов, Рокфеллеров и других банкирских семей казалась полным торжеством

планов англо-американского истеблишмента, англо-американских клубов, лож, закрытых обществ. Но Гегель не

случайно писал о «коварстве истории», и оно вполне проявилось уже в 1920-е гг. Впрочем, нам пора вернуться в 1914

год и взглянуть, с какими силами противники вступали в войну.

ХИ

Численность армии, как известно, зависит прежде всего от численности населения. Здесь у Антанты, благодаря

России, было преимущество над Центральными державами. В 1914 г. 170-миллионная Россия имела 5,3 млн. под

ружьём, 47-миллионная Великобритания — чуть больше полумиллиона; 40-миллионная Франция — 2,6 млн. 70-миллионная Германия имела 2,4 млн., а 53-миллионная Австро-Венгрия — 2,3 млн. Всего за время войны Антанта

мобилизует около 9 млн. чел. (34% от максимума, определяемого С. Переслегиным как 10% от общей численности

населения), а ЦД — 4,7 млн. (39% от максимума).

Очевидное преимущество на стороне Антанты, к численности армий которой надо добавить 2 млн. американцев —

«подарок» 97-миллионных США. Воюют, однако, не только и не столько числом, сколько умением, экономическим

потенциалом и пространством (территория, её расположение и степень организованности, связности —

инфраструктурной, институциональной).

Сначала — об умении. Лучше всего были обучены немецкая и французская армии. Причём преимущество было явно

на стороне немцев. *«Силы центральных держав, — пишет Террейн, — располагали бесценным активом германской*

армии, которая состояла из 87 пехотных дивизий и половины общей кавалерии». Немецкую пехоту Первой мировой

войны военные историки считают лучшей не только за весь XX век, но и за всю историю эпохи Модерна.

Австро-венгерская армия уступала русской, но превосходила итальянскую. Самым слабым местом австро-венгерской

армии был её многонациональный характер и взаимная неприязнь славян, с одной стороны, и австрийцев и венгров, с

другой. К тому же, как пишет И. Черников, во время войны эксплуатация славян австро-венграми приняла крайне

жестокий характер, часто превращаясь в прямой грабёж. Таким образом, дряхлая империя боролась не только с

внешним противником, но и с внутренним, в которого она превратила часть своих подданных.

Уровень высшего командного состава *«в общей своей массе стоял на должной высоте только в германской и*

французской армиях», — пишет А.М. Зайончковский. В целом, однако, преимущество было на стороне немцев, поскольку они играли главную роль и контролировали австро-венгров, а вот союзники по Антанте плохо

координировали свои действия, уровень общего руководства был низким, их единое командование было создано лишь

под самый конец войны.

Весьма интересен вопрос о пространстве. Трагическое неудобство расположения Германии в Европе заключалось в

том, что в борьбе за власть в этой части света она была обречена на войну на два фронта. Это заставляло расплыть

силы и усиливало позиции противника. Однако *every acquisition is a loss and every loss is an acquisition*: Германия в то

же время разделяла своих противников, не позволяя им объединяться. Кроме того, отмечает С. Переслегин, высокая

связность (железные дороги) Германии и Австро-Венгрии позволяла Германии легко и своевременно перебрасывать

силы с фронта на фронт и таким образом компенсировать и «двуфронтность» и численное превосходство противника

своим преимуществом в быстроте мобилизации и развёртывания. Это совершенно справедливое замечание, но

связность сама по себе не устраняет проблему сжатости, пространственного стеснения. А как заметил Зигберт Тарраш, анализируя на примере одной из партий Капабланка — Маршалл стратегию шахматной партии, «*всякое же*

стеснённое положение уже носит в себе зародыш гибели».

Нет, недаром *Lebensraum* было мечтой и ночным кошмаром немецких политиков: когда нет пространства, которое

можно защищать, борьба оказывается бессмысленной даже при наличии сил. Впрочем, это скорее ситуация 1945 г. В

1918 г. немцы на свою территорию противника не пустили. Но Тарраш прав — и не только для шахмат, но также для

войны и жизни в целом.

В отличие от немецкого пространства — ограниченного (таким же было и французское), пространство англичан и

русских было практически неограниченным. Однако принципиально различное качество этого пространства — море в

первом случае и суша во втором — делали его уязвимым в разной степени. Удачная морская или подводная война

могла свести морской пространственный потенциал на нет, чего немцы в значительной степени и добились с помощью

подводной войны, поставив весной 1917 г. Британию на грань катастрофы. А вот огромное сухопутное пространство

отсечь или покорить намного сложнее, особенно если мало дорог и они плохого качества. Будучи выгодным для его

владельца в случае оборонительной войны и отступления, такого рода пространство — большой минус во время

мобилизации и развёртывания армий, а также в случае наступления. Рано или поздно целый ряд проблем, в том числе

плеча подвоза, резко осложняет, если не блокирует любые серьёзные попытки как следует «раззудить плечо», и

наступление выдыхается, а численное преимущество сводится на нет. Плохо оно и для снабжения.

С учётом того, как конкретно развивались события на восточном фронте, русский *Lebensraum* спас в 1915 г. русскую

армию от разгрома (правда, в 1917 г. она сама развалилась, а точнее — была развалена, но это другой вопрос). Кроме

того, благодаря «массе пространства» много осталось и большевикам для «торговли» с немцами в Брест-Литовске и

обмена на столь необходимое им время. С другой стороны, тип плохо организованного, «дурацко-дорожного» русского

пространства с самого начала подсекал Россию, делая её армию инвалидом. Германия, пишет А.М. Зайончковский, несмотря на окружение на суше и морскую блокаду, страдала и тем не менее *«справилась с этим делом при помощи*

своей твёрдой организации и сохранения сообщения с Малой Азией через Балканы. Но Россия, с малоразвитой

индустрией, с плохой администрацией, отрезанная от своих союзников, с громадным пространством своей

территории при слабо развитой сети рельсовых путей, начала справляться с этим недостатком только к концу

войны». Чтобы воевать в таких условиях, надо было постоянно перенапрягаться, психологически нагружая и

перегружая такой человеческий материал, который не был приучен к социальной дисциплине «профессионального

общества» и по отношению к которому у царской власти не было таких репрессивных структур, какие были, например, в сталинском СССР.

Значение пространства помимо его «количества» определяется его качеством, которое есть функция экономического

потенциала. Вот и сравним их. Чугуна и стали Германия в 1914 г. выплавляла чуть меньше, чем Антанта вместе

взятая: 32,5 млн. т против 35,4 млн. т (из коих 17,7 млн. приходились на Англию), с добавкой австро-венгерской

«гирьки» в 4,5 млн. т ЦД выходили вперёд. Добыча угля ЦД в 1914 г. составила 324 млн. т (из них 277 млн. —

Германия); у Антанты — 368 млн. т (Англия — 292 млн.; Франция — 40 млн.; Россия — 36 млн.); для сравнения: США

— 455 млн. т.

Англичане и немцы в 1913 г. почти сравнялись по потреблению энергии: 195 млн. метрических т угольного

эквивалента у первых, 187 млн. — у вторых (США — 541 млн. т; Франция — 62,5 млн.; Россия — 54 млн.; Австро-Венгрия — 49,4 млн. т). Накануне войны Германия превосходила Великобританию в доле в мировом промышленном

производстве: 14,8% против 13,6% (у США — 32%, у России — 8,2%, у Франции — 6,1%⁷).

Экономический потенциал определил и военные расходы держав в начале XX в. Цифры и особенно динамика

настолько интересны, что имеет смысл привести их в таблице (данные с устранением опечаток приведены по табл. II

—IV из работы А.Дж.П. Тэйлора «Борьба за господство в Европе 1848—1914», М.: Изд-во иностр. лит., 1958, с.39; цифры даны в млн. ф. ст.; первая, большая по размерам цифра — общие военные расходы; из двух меньших цифр

верхняя — расходы на сухопутную армию, нижняя — на ВМФ.

Из таблицы видно, что немцы, постоянно наращивая темп, выигрывали в гонке вооружений у англичан. С 1910 по

1914 г. они (и австро-венгры), почти удвоили расходы, и если в 1910 г. немцы отставали от Великобритании на 4 млн

(64 против 68), то в 1914 г. опережали ее на 34 млн со 110,8 млн! Британская империя — гегемон XIX в. — плохо

вписывалась в век XX, и британцы сами признавали это: *«Правда заключается в том, — писал в 1903 г. премьер-министр сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман, — что мы не можем обеспечить боевую (fighting) империю... мирная*

империя старого типа — вот этому мы вполне соответствуем». А вот Второй рейх не просто хорошо вписывался в

XX в., но творил его, определял условия для вхождения в этот век других, легко превращая экономическую мощь в

военную и превращаясь в «боевую империю». Всего один пример: к началу войны немцы имели 9388 орудий (из них

тяжёлые — 3260, знаменитые 120 мм гаубицы Круппа). Для сравнения: Россия — 7088 (из них тяжёлые — 240); Австро-Венгрия — 4088 (из них тяжёлые — 1000); Франция — 4300 (из них тяжёлые — 200). Немецкая

промышленность производила 250 тыс. снарядов в день, англичане — 10 тыс. снарядов в месяц. Поэтому, например, в

боях на линии Дунаец-Горлице немцы всего за четыре часа выпустили по русской третьей армии 700 тыс. снарядов (за

всю франко-прусскую войну они выпустили 817 тыс. снарядов). Значение тяжёлой артиллерии выявилось уже в самом

начале войны: 60-70% потерь кампании 1914 г. — её работа. Первая мировая была войной тяжёлых артиллерий или

даже, уточняет Террейн, войной бризантных снарядов.

В качестве последней по счёту иллюстрации: во время войны англичане через посредников закупили у Германии 32

тыс. биноклей — лучших в мире.

Второе место по военным расходам в 1914 г. занимала Россия. В 1910 г. она отставала от Германии всего лишь на 1,2

млн. ф. ст., но в 1914 г. разрыв стал огромным. Правда, Россия, чтобы держаться на уровне, вынуждена была тратить

на военные нужды большую часть национального дохода — 6,3% в 1914 г. Таков удел всех экономически отстающих

(ср. СССР против США в 1970—1980-е гг.); Австро-Венгрии приходилось тратить 6,1%, тогда как Франции — 4,8%, Германии — 4,6%, а Англии — 3,4%.

Во время войны долю военных расходов пришлось ещё больше увеличить, и если экономика практически всех

крупных стран это позволяла, то социально-политический каркас мог выдержать это далеко не во всех странах.

Тотальная (в том числе и экономическая) война стала серьёзным испытанием для всех, и чем архаичнее социальная и

политическая структура, тем серьёзнее. Иногда — смертельно серьёзнее. Именно Первая мировая война сломила

историческое «сопротивление старых порядков» (А. Майер), довершив то, что начала Великая французская революция

в 1789 г., и закрыв таким образом в 1914 г. «длинный XIX век».

Таблица очень хорошо показывает контраст между морскими и сухопутными расходами Великобритании и Германии, их военные приоритеты. Не случайно ещё в 1904 г. британские военные говорили: военный конфликт между Берлином

и Лондоном — это нечто вроде схватки слона с китом, в котором каждому из противников будет очень трудно проявить

свою сильную сторону.

Решая эту проблему в реальности уже идущей войны, Германии и Великобритании пришлось взаимоподобляться: в

какой-то степени слон попытался стать китом, а кит — континентальным слоном. История показывает, что, как

правило, такие попытки ни к чему хорошему не приводят, а часто бывают просто контрпродуктивны — немцы так и

не смогли составить конкуренцию англичанам на море, а успехи их подводной войны были среди факторов, ускоривших военное вмешательство США. Попытки Великобритании повести себя в качестве континентальной

державы перенапрягли её на несвойственный ей манер и оказались большущим гвоздём для будущего гроба

Британской империи.

XIII

В первые дни войны в Лондоне, Париже, Берлине, Вене и Петрограде (так стал называться Петербург) царило в целом

7Цифры приведены по таблицам из работы: Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L.: Harper Collins, 1988.

радостное шапкозакидательское настроение: предполагалось, что война продлится несколько недель и быстро

закончится победой. Отсюда — воодушевление, порой — экзальтация. Словом — ощущение праздника. И это

действительно был последний, предзакатный праздник европейской цивилизации. М. Джилберт объясняет эту

наивную уверенность европейцев тем, что в течение более тридцати лет (между франко-прусской и мировой) Европа

не знала войн; без войны выросло два поколения. Точнее так: они знали войны, но колониальные, где превосходящие

силы «наших», «белых цивилизаторов» обрушивают на далёкого и слабого врага огонь пулеметов и гигантских

морских орудий. Правда, была сильная травма англо-бурской войны, но, во-первых, её испытали только англичане; во-вторых, совместная европейская акция против ихэтуаней («боксеров») в Китае относительно быстро вытеснила

неприятные воспоминания. Сухой остаток по М. Джилберту: *«природа (новой возможной. — А.Ф.) европейской*

войны, в отличие от войн колониальных понималась европейцами плохо». Несмотря на то, что в начале XX в. о

возможности войны говорилось — и говорилось немало, публика не ощущала, что приближается нечто

принципиально новое и страшное.

Не ощущали этого и многие государственные и политические деятели того времени (редкие исключения — Вальтер

Ратенау и лорд Китченер, предупреждавшие о длительности надвигающейся войны), многие журналисты и учёные.

Наивный Фрейд, узнав об австро-венгерском ультиматуме Сербии, писал, что впервые за 30 лет чувствует себя

австрийцем и что история подарила Австрии второй шанс; что тут скажешь — психоаналитик, понимаешь.

История, может, и подарила, а Россия отобрала, вырубив по сути уже в 1914 г. (Галицийская битва 19 августа - 21

сентября, в которой австро-венгры потеряли до 45% своей военной силы) — по принципу каратэ, с одного удара —

двуединую монархию из войны и из истории. По иронии истории схватка между бывшими подданными Австро-Венгрии — австрийскими и чехословацкими экс-пленными — в Челябинске в мае 1918 г. станет той искрой, от

которой гражданской войной в России взорвётся социальный динамит, заложённый большевиками, левыми эсерами и

другими силами. Своего рода загробный привет одной империи другой. Но это к слову.

Более точным, чем Фрейд, оказался в своей оценке автор любимой работы Сталина «Мозг армии» будущий маршал

Б.М. Шапошников: *«Путь Австро-Венгрии был предначертан... Он вёл... в нирвану!»*. Правда, Шапошников писал *post factum*. Впрочем, проницательным людям это было ясно ещё в середине XIX в.: *«У Австрии больше нет смысла*

существования», — писал Тютчев, отмечая, что после 1849 г. она сохранилась только благодаря русской поддержке. И, добавлю я, сохранялась в течение ещё 69 лет по логике бытия европейской пентархии; с 1870-х гг. к этому добавилась

поддержка Германии.

В первые недели войны немцам казалось, что их восторги первых дней оправдываются. К 20 августа немцы

оккупировали Бельгию, а к 25 августа в «приграничном сражении» (четыре одновременные операции: Лотарингская, Арденнская, Самбро-Маасская и Монсская) нанесли поражение англо-французам. Казалось, план Шлиффена

(начальник немецкого генштаба в 1892—1906 гг.), согласно которому решающее сражение французам планировалось

дать на 40-й день, выполняется с блеском и, более того, с опережением графика — сражение дали на 35-й день. Всё

сбылось! Кроме одного — победы, потому что «гладко было на бумаге...».

План Шлиффена был составлен одним из крупнейших военных умов Германии. И составлен — в военном плане —

грамотно. Более того, с учётом соотношения сил (экономический, военный, демографический потенциал) блицкриговый план Шлиффена, навеянный, по мнению специалистов, опытом Ганнибала под Каннами и Наполеона

под Ульмом, был единственным, способный обеспечить победу, избежав войны на два фронта. В «двухфронтной»

войне Германия ни в 1914 г., ни в 1941 г. шансов на победу не имела.

Откуда 40 дней Шлиффена, отводимые им на победу над Францией? Из расчёта, что России понадобится 40 дней на

полную мобилизацию, после чего она сможет наступать. Тут-то и должен был пронзить её тевтонский меч, уже

сразивший Францию.

Кроме планов, однако, есть реальность. Правильный, а точнее упорядоченный немецкий ум полагал, что воевать

можно только по завершении мобилизации. Русские показали, что это не так, и уже в середине августа генералы А.В.

Самсонов и П.К. Ренненкампф погнали немцев на запад.

Вспоминаются слова лесковского генерала о немцах: *«какая*

беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведём, что они и рта разинуть не успеют, чтобы

понять её». В темповой игре немцы проиграли: они не успели разгромить французов до русского наступления.

Неподготовленное наступление — такого не менее железный, чем воля (см. рассказ Лескова «Железная воля» о

социально-психологическом столкновении немца и русского, завершающегося бессмысленной гибелью обоих), немецкий ум не мог предусмотреть!

«Германским войскам оставалось пройти до Парижа всего 30 миль, — писал биограф Вильгельма II Дж. Макдоно, —

и казалось, что повторится история 1870 г.». Однако 9 сентября была дана команда отойти, а 11 было объявлено

общее отступление — нужно было срочно реагировать на смертельно опасный русский удар: германское

командование было вынуждено для переброски в Восточную Пруссию снять два корпуса и кавдивизию с правого —

ударного — крыла (фланга) немецкой армии вторжения, занятой в битве на Марне. Удар генерала Монури именно по

ослабленному правому флангу, считает Б. Лиддел-Гарт, дезорганизовал оборону немцев. Так русское наступление

сорвало первый немецкий блицкриг, похоронило план Шлиффена и, по сути, лишило немцев возможности победить в

войне. Права Б. Такмэн: победы немцы, и война скорее всего окончилась бы быстрее и иначе. Провал блицкрига и

поражение на Марне поставили крест на военной победе немцев. Теперь война велась Германией по сути за наиболее

благоприятные условия мира.

XIV

Собственно военная история Первой мировой войны весьма интересна, однако здесь нет места её рассматривать.

Ограничусь лишь несколькими замечаниями. Первая мировая война — первая в истории с широкомасштабным

применением новых видов оружия: подводных лодок, авиации, танков. Следует особо отметить подводную войну

немцев, поставивших весной 1917 г. Британию, весьма зависевшую от импорта, на грань катастрофы. О такой угрозе в

самый канун войны предупредил рассказом *Danger! A Story of England's Peril* сэра Артур Конан Дойл, однако его не

послушали. В результате немецкой подводной войны, объектом которой были главным образом торговые суда, Британия потеряла тоннаж, равный тоннажу всего её торгового флота в 1914 г.

В то же время успехи немецких у-ботов ускорили вступление в войну США. Хотя и здесь не всё так просто: США

вступили в войну 6 апреля 1917 г., однако важный психологический сдвиг в настроениях американской верхушки

произошёл 7 мая 1915 г., когда затонул британский корабль «Лузитания». Потопили его немецкие подлодки, однако

подставили «Лузитанию» под них британцы и та часть американского истеблишмента, которая с самого начала была

за войну, участвовала в её организации. Провокация с «Лузитанией» стоит в одном ряду таких провокаций

англосаксов, как взрыв корабля «Мэн» в 1898 г., ставший поводом для агрессии США против Испании; Перл-Харбор

(декабрь 1941 г.), инцидент в Тонкинском заливе (август 1964 г.), развязавший руки США в их действиях во Вьетнаме; взрыв башен 11 сентября 2001 г.; взрывы двух «Боингов» — южнокорейского (сентябрь 1983 г.) и малайзийского (июнь

2014 г.); о провокациях, позволивших развязать агрессию НАТО против Югославии и Ирака я уже не говорю.

Особенность провокации с «Лузитанией» заключается в том, что здесь главным был не столько американский

(государство США), сколько британский и наднациональный англо-американский интерес.

Ситуация с «Лузитанией» такова. Судно перевозило через Атлантику в Англию 1200 пассажиров, 195 из которых были

гражданами США. Пассажиры, однако, не знали, что в трюмах «Лузитании» находилось 6 млн. единиц боеприпасов.

Это было прямое нарушение подписанного США протокола нейтральной державы. Боеприпасы принадлежали одной

из компаний Дж.П. Моргана, а куплены они были на заём в 100 млн. долларов, выделенный Моргану французскими

Ротшильдами для поставки оружия французской армии. Каким-то образом о грузе «Лузитании» узнали немцы, которые ещё до того, как судно покинуло нью-йоркский порт, отправили (с предварительной оплатой) в 50

американских газет объявление, в котором предупреждали граждан США об опасности, грозившей им в том случае, если те поплывут через Атлантику на «Лузитании». Но лишь одна газета в г. Де-Мойн (штат Айова — глубинка США) опубликовала немецкое объявление; остальные газеты и прежде всего газеты штатов атлантического побережья, включая Нью-Йорк, решили дожидаться обещанных им Госдепартаментом США разъяснений, которые так и не

последовали, и граждане США на «Лузитании» так и не узнали, что плывут на потенциальной военной мишени.

Показательно, что, находясь в зоне военных действий, «Лузитания» шла без эскорта. Немцы сначала не решались

топить судно, и оно благополучно пересекло океан. Чтобы пристать к берегу, «Лузитания» нуждалась в судне-лоцмане, однако это судно — «Джуно» — так и не появилось, поскольку первый лорд адмиралтейства У. Черчилль отозвал его

для решения других, так и не прояснённых задач. «Лузитания» дрейфовала несколько дней, и потерявшие терпение

немцы решили пустить ко дну 6 млн. единиц боеприпасов. К этому времени британцы уже владели многими

секретами Второго рейха, поскольку им удалось взломать немецкие шифрокоды. У Черчилля была информация о том, что вблизи «Лузитании» находятся три немецкие подводные лодки с очевидными намерениями. Но он и пальцем не

пошевелил (так же поступит в 1941 г. президент США Ф. Рузвельт, знавший, что японцы будут бомбить Перл-Харбор,

— нужен был повод для вступления в войну) для спасения «Лузитании» — и она затонула, торпедированная у-ботами.

Этот инцидент имел огромное значение в качестве обеспечения повода для США вступить в войну, разумеется, когда

они сочтут это нужным. Нужным сочли 6 апреля 1917 г.

Всего через неделю после этого — симптоматично — в России объявился Ленин. Октябрьская революция привела к

тому, что осуществилась мечта германского командования о войне на один фронт; и немцы на радостях навалились на

измотанных англо-французов — да так, что тем мало не показалось. И тем не менее пять немецких наступлений не

привели к перелому в войне. Летом 1918 г. с помощью двухмиллионной американской армии союзники начали

наступление, и 30 сентября Людендорф признал: *«Мы не можем сражаться против всего мира»*. Англо-американцы

использовали эту ситуацию для того, чтобы элементарно обмануть немцев, которые вовсе не ожидали тех

унизительных условий мира, которые будут предложены позже, — *vae victis*. 11 ноября Германия капитулировала, потеряв 1,8 млн. убитыми; австро-венгры — от 0,9 млн. до 1,3 млн.; Россия — 1,7 млн.; Франция — 1,4 млн.; Британская империя — 950 тыс. (из них 750 тыс. — англичане). Война стоила Антанте 193 млрд, долл., ЦД — 282

млрд. долл.

XV

Итоги и условия Версальского мира известны, и вряд ли имеет смысл их пересказывать. Будучи поразительной

смесью хитрого расчёта и близорукости, цинизма и столь абстрактных принципов гуманизма и национального

самоопределения, что их воплощение не могло не обернуться своей противоположностью, создав балканизированно-лоскутную, националистическую, вовсе не гуманную и недемократическую Центральную и Восточную Европу, Версаль не мог не стать прологом к новой войне, а точнее — к отложенному продолжению старой. Это было ясно

многим, в том числе и Ленину.

Однако в 1920-е гг. мир не хотел думать о плохом. Хотелось забыть об ужасах войны и первых двух-трёх

послевоенных лет, когда «испанка» выкосила людей больше, чем мировая война. В России к жертвам мировой войны

добавились таковые гражданской, унесшей от 10 до 13 млн. жизней. Хотелось, особенно молодым, просто жить — и

жить легко. 1920-е гг. для значительного сегмента населения стали временем релаксации, временем *ongoing never ending party* с отчётливо сексуальным оттенком. То, что до войны считалось развратным (женская косметика, танго), перестало восприниматься как таковое. Юбки поползли вверх, исчезли корсеты. 1920-е гг. — первая сексуальная

революция XX в.; в 1960-е гг. новшеством станет не она, а её соединение с рок-музыкой и наркотиками, которое

«произведут» англо-американские спецслужбы с помощью некоторых левых и бывших нацистов.

Западная молодёжь 1920-х, всего на 5-7 лет моложе тех, кто отвоевал, отделена целой эпохой от «потерянного

поколения» («потерянного» отчасти и физически: война безжалостно выкосила молодёжь — мужчин 1892—1898 гг.

рождения, до 30% этого поколения) с его трагизмом и ощущением вырванности, ненужности, принадлежала уже

другой эпохе и даже другому веку — XX. Отмеченное современниками и нашедшее отражение в литературе

легкомыслие молодёжи 1920-х, бьющее жизнью и жаждой жизни, было естественной реакцией на войну, на

социальные потрясения. Молодёжь 1930-х будет другой (ср. также легкомыслие молодёжи 1970-х, её музыкальные и

киношные вкусы, её настроения с «серьёзной» молодёжью 1950-х и «деловой» — 1980-х). Но это будет в 1930-е гг., после мирового экономического кризиса, подъёма национал-социализма и предчувствия новой войны. В

постверсальские же двадцатые о том, что они должны или хотя бы могут закончиться крахом, простой люд и думать не

хотел. Даже неглупые люди не хотели верить Шпенглеру с его «Закатом Европы». На первый взгляд казалось, что он

ошибся, что перед победоносной Западной Европой — Британией, Францией — открывается новое будущее.

Но это только казалось.

Франция была обескровлена, и если, потерпев поражение в 1870 г., ухудшила свои позиции в Европе, культурно-психологически и интеллектуально надломилась (не случайно именно Францию избрал М. Нордау в качестве объекта

своего изучения дегенерации и упадка Европы, её культуры и искусства) и со всей очевидностью поехала с ярмарки

Большой Истории (*«За нас отомстите вы, русские. За вами будущее. Что же до нас, латинян, — писал Тургеневу*

Флобер в начале 1870-х гг., — *полагаю, что мы погибли навсегда. Франция, в частности, слишком поглупела. Она*

только глупа, но в фантастических размерах.»), то победив в 1918 г., перестала быть даже тенью великой державы.

Политическое ничтожество последнего десятилетия Третьей республики и интеллектуальный кризис 1920—1930-х

гг. свидетельствуют об этом со всей очевидностью.

Что касается Великобритании, то в течение нескольких лет казалось, что её гегемония восстановлена, что звезда

империи вновь сияет над миром, и внешне так оно и было. На самом деле это была *short happy life* накануне конца —

нечто похожее на угасающий блеск галактической империи эпохи Селдена из знаменитой двойной трилогии Азимова.

Индия — самый крупный бриллиант империи, её стержень (но потому же — нечто похожее на её «кощееву смерть»)

— сделала мощный глоток если не свободы, то квазиавтономии от «белых сахибов» в 1914—1918 гг., и удерживать её

в британской узде в 1920—1930-е гг. удавалось только благодаря британской агентуре влияния, немало представителей

которой возглавили индийское национально-освободительное движение и оттянули наступление свободы аж до 1947

г.! Финансовый центр мировой системы начал перемещаться на Уолл-стрит, Британия была по уши в долгах у своей

бывшей колонии, которая стремительно шла к мировой гегемонии.

В такой ситуации постепенный отлом кусков империи, разжижение имперской воли и превращение самой империи в

«пригоршню праха» — процессы, нашедшие своего описателя в лице Ивлина Во, — стали вопросом времени.

Убывавшие жизненные силы Великобритании словно вливались в Америку. Сконцентрировав во время войны в своих

руках огромный капитал, который, как известно, есть не что иное, как накопленный труд, овеществлённое время, американцы стали менять его на пространство. В этом плане Америка — антипод России, всегда менявшей

пространство на время, будь то 1918 г. (*«старик менял пространство на время»*, говорит Рубашов о Ленине в

«Слепящей тьме» А. Кестлера) или 1941-й — чужое пространство, пространство Британской империи на суше и на

море. Именно благодаря своему капиталу и британской задолженности, ограничивавшей действия Альбиона, Америка

развернула не имеющую прецедентов в истории программу строительства флота. Этот флот одержит победу в

1942—1943 гг. в битве за Пацифику, а в 1943—1944 гг. — за Атлантику. «Время» обернётся накоплением ещё

большого «времени», в том числе исторического, что, помимо прочего, позволит США уже в виде Глобамерики взять

верх над СССР.

Итак, Версаль был пиром победителей, которые кромсали Миттельойропу с тем, чтобы она никогда не стала

конкурентом победителям в мировой политике и мировой экономике. Австро-Венгрию расчленили так, что сырьевые

области и промышленно развитые области оказались разделены государственными границами. И, как знать, возможно

не так уж и далеки от истины те, кто считает: если бы Австро-Венгрия сохранилась, Гитлер едва ли пришёл бы к

власти в Германии. Но лимитрофы нужны были британцам, чтобы физически отрезать Германию от России и тем

самым не допустить их контактного союза. Ну а Гитлер понадобится тогда, когда станет ясно: сталинская команда

похоронила проект «мировая революция» и будет строить социалистическое государство, красную империю. Теперь

британцам нужна была новая мировая война, а следовательно, Гитлер, которого они должны были натравить на СССР.

Что касается Германии, то Версаль поставил её перед выбором: либо исторический крах, либо возрождение с

помощью насилия. Версаль заквасил те дрожжи, на которых — при активной помощи британского и американского

капитала — вырос национал-социализм. Версаль подвёл Германию к пропасти, а мировой кризис 1929—1933 гг.

столкнул её туда. Выбраться из пропасти оказалось возможным только с помощью национал-социализма у власти.

Однако, придя к власти, национал-социалисты немедленно делают ещё одну попытку превратить Германию в

последний шанс единой антианглосаксонской, антиуниверсалистской, антилиберальной и в то же время

антикоммунистической Европы. И тем самым (опять план блицкрига, который позволит избежать войны на два

фронта, опять его провал, опять война на два фронта, опять поражение и опять торжество США — теперь уже вместе

не с Антантой, а с Россией/СССР) полностью уничтожают политически самостоятельную Европу, сработав — по

результатам — на США и СССР, которые, как и предупреждал за 130 лет до этого Наполеон, разделят между собой

мир. 2 сентября 1945 г. США и СССР придут к промежуточному финишу того геоисторического марафона, который

стартовал 1 августа 1914 г., начав, пусть неясно, уже в 1914 г. (открытие второго фронта) глобальный конфликт между

собой.

В 1994 г. пятидесятилетняя глобальная Холодная война окончилась (черта — вывод эрэфских войск из Германии) поражением исторической России. Сначала капитулировал горбачёвский СССР, а потом ельцинская Россия. Да-да, СССР уже не существовал, и потерпевшей поражение назначили РФ, которая — в лице ельцинского руководства —

как бы даже посоучаствовала в победе Запада над прекратившим в одностороннем порядке в 1987/89 гг. Холодную

войну СССР. Исторический круг замкнулся: «короткий XX век» — век Большой войны, состоящей из двух «горячих»

мировых и одной глобальной (Холодной), военный век — окончился. Его абсолютным и неоспоримым победителем

кажутся США — как в 1919—1929 гг. таким победителем Первой мировой войны казалась (ах, как опасно такое

впечатление, как правило, оно — индикатор близкого неблагополучия, потрясений и тревог: *«много, много непокоя*

принесёт оно с собою») Британия, морская держава, впервые всерьёз участвовавшая в войне как сухопутная, континентальная, т.е. влезшая по сути не в свою сферу — и перенапрягшаяся именно тогда, когда её гегемония на

самом деле уже шла на спад.

Сегодня послемальтийские США всё больше напоминают послеверсальскую Великобританию — та же уверенность в

могуществе, потому что повержен главный противник (но то был противник ушедшей эпохи!), то же стремление

американцев влезать в те зоны, которые традиционно лежат вне их реальных возможностей, — Каспийский регион, Центральная Азия,

центр Евразии, *Heartland*, сегодня — Украина. И это при том, что ресурсов для поддержания

присутствия в этой турбулентной зоне будет всё меньше; та же ситуация преддверия экономического кризиса, который, в отличие от кризиса 1929—1933 гг., будет не структурным, а системным и превзойдёт его по масштабу и

последствиям.

Закончился XX век, советские/российские войска покинули Миттельойропу, СССР распался, как в 1917—1918 гг.

Россия; рухнул ялтинский мир, а пришедший ему на смену мальтийский оказался очень похож на версальский. Центр

Европы занят мелкими, экономически слабыми и нестабильными государствами, правда, не с полицейскими, авторитарными или фашистскими режимами, а формально «демократическими», но, несмотря на евросоюзовскую

риторику, эти режимы на самом деле весьма чтят национализм, а в случае с «балтийскими карликами» — нацизм. Да и

сам Евросоюз есть результат **политического** заката Европы, активной начальной фазой которого стала Великая война.

Конец Холодной войны стал его финалом — с крушением СССР Европа закатилась полностью: советская Европа

кончилась, а несоветская утратила возможность играть на советско-американских противоречиях. Евросоюз — это

большой протекторат США, как бы ни пыжились европейцы. В 1918 и 1989/94 гг. кончились «большие» войны, и тут

же начались в режиме *non stop* войны малые: в 1990-е гг. — Югославия, в 2000-е — Ирак, Ливия, в 2010-е — Сирия и

Украина. После и в результате глобальной Холодной войны Германия и Япония мирным экономическим путём во

многим добились того, к чему стремились путём военным в 1914—1945 гг. Рухнул СССР, и мир словно вернулся не то

в 1917 г., не то в 1914 г. — мир эпохи передела и водораздела. Теперь, как и тогда — именем демократических

ценностей.

1990—2000-е годы удивительно похожи одновременно на предвоенные 1900-е и на послевоенные «версальские» 1920-е, особенно на последние. Парадокс, но последние два десятилетия лет мы живем будто бы во втором издании

(разумеется, с поправками на эпоху глобализации и НТР — полных повторений не бывает) версальской системы. И

именно поэтому история и опыт Великой войны, того, что ей предшествовало и что пришло вслед, очень важны. Это

такое прошлое, которое оборачивается актуальным настоящим и, как знать, будущим. В известном смысле 1914 и 1918

гг. значительно ближе к нам, чем даже 1939/41 и 1945 гг., хотя и эти годы недалеки. И следует *предупредиться* об этом, ибо кто предупреждён, тот вооружён.

XVII

В советское время Первую мировую вспоминали нечасто, главным образом в связи с революциями 1917 г., Февральской и Октябрьской — как фактор, их ускоривший. Вспоминали также в качестве примера поражения

царизма. И это не во всём справедливо: русский воин и в той войне демонстрировал и героизм, и отвагу, и

жертвенность. Другое дело, что всё это приносилось на алтарь главным образом чужих интересов: Россия Николая II таскала каштаны из огня для британцев и французов, спасая их, точнее, спасая британские и французские капиталы и

их хозяев. Ну а хозяева «отблагодарили» николаевский режим сполна в феврале 1917 г., а самого Николая и его семью

позже: его двоюродный брат, британский король отказался принять и тем спасти бывшего русского царя — *«пропадай-погибай, именинница!»*. Сегодня отношение к участию и роли Российской империи в Первой мировой у нас меняется

— нам даже в этой войне есть чем гордиться. Именно русский солдат своими действиями прежде всего в кампании

1914 г., а также в других кампаниях не позволил немцу одержать победу в войне, он эту победу подсёк уже в первый

месяц войны.

В то же время создаётся впечатление, что повышенным вниманием к Первой мировой, её героизацией пытаются если

не оттеснить, то затенить победу СССР во Второй мировой — в Великой Отечественной войне. Действительно, уже

сейчас ясно, что одной из линий «игры на понижение» оценки роли и значения Великой Отечественной войны может

стать противопоставление ей Первой мировой войны как «первой германской» — «второй германской». Первые

симптомы такого противопоставления уже появляются.

Две войны — две германских, две мировых. Они сыграли огромную роль в истории. А в их истории огромную, решающую роль сыграла Россия, как бы она ни называлась. В этом году отмечают столетие начала Первой мировой

войны, и о ней много пишут, в том числе и у нас. Вспоминают героев этой войны, ход боевых действий, эпоху.

Восстанавливается историческая память, и это, конечно же, хорошо. Нехорошо другое: уже сейчас видно, что

намечается тенденция противопоставления Первой мировой — Великой Отечественной. Оно развивается в контексте

противопоставления Российской империи как чего-то положительного Советскому Союзу как чему-то

отрицательному.

Сегодня можно с уверенностью сказать: попытка героизации белого движения, использования «поручиков Голицыных

и корнетов Оболенских» в качестве оргоружия против красного периода нашей истории провалилась. Более чем

вероятно, что под лозунгами восстановления «исторической справедливости» о Первой мировой будет предпринята

попытка использовать её в качестве антисоветского оргоружия, как минимум уравнивая её по историческому значению с

Великой Отечественной.

И это будет ложь. Для России, русских и мировой истории значение двух этих войн несопоставимо.

В 1914 г. Вильгельм II и немцы не ставили, в отличие от Гитлера, задачу стирания русских из истории — физического

уничтожения одной половины русских и культурно-психологического (т.е. оскотинивания) — другой. Ставки в

Великой Отечественной были неизмеримо и несравнимо выше, чем в 1914 г. — быть или не быть России и русским

вообще, и уже поэтому ни о каком уравнивании двух войн речи быть не может, при всём уважении к памяти русских, павших в Первой мировой. Я уже не говорю о том, что геройствовал и погибал русский солдат на полях Первой

мировой не столько за русский интерес, сколько за кошельки англо-американских и французских банкиров, у которых

самодержавие Николая II было почти по уши в долгах. Это — во-первых.

Во-вторых, «первая германская» для России окончилась поражением и распадом государства. Из Великой

Отечественной СССР вышел не просто победителем, но одной из двух сверхдержав — на фундаменте Победы СССР

просуществовал почти полвека, но и РФ существует только потому, что до сих пор не удалось разрушить этот

фундамент.

В-третьих, две войны — чёткие иллюстрации того, что в одном случае (Российская империя) мы имели больное

общество, в другом (СССР) — здоровое. Как только в 1915—1916 гг. был выбит старый офицерский корпус, рухнула

армия, а вместе с ней — самодержавие, государство. Заменить офицеров как персонификаторов модального типа

личности (а его нужно-то 7-8% населения) оказалось нечем. В 1941 г. был выбит довоенный офицерский корпус, рухнула армия, потеряв миллионы пленными, но уже через несколько месяцев другой, вновь созданный офицерский

корпус, другая армия нанесли поражение вермахту под Москвой, за чем последовали Сталинград, Курск и красное

знамя над Рейхстагом. Произошло это потому, что в 1930-е гг. был создан тот самый модальный тип личности, советский человек, который и вышел победителем в войне, расписавшись на рейхстаге.

Тему принципиальных различий двух войн можно продолжать долго, но едва ли стоит это делать в данной работе.

Здесь имеет смысл сказать о другом — о важном уроке Первой мировой. Ту войну проиграло олигархизированное, коррумпированное самодержавие, превратившее Россию в финансово-зависимый сырьевой придаток Запада, придаток

с заметно ограниченным суверенитетом. В острой ситуации тогдашнего «главного начальника» — царя — свергла

великокняжеско-генеральско-буржуазная олигархия (при содействии британцев), т.е. представители 200-300 семей,

правивших (как им казалось) Россией. Объективно олигархия сыграла роль «пятой колонны», и История — прежде

всего руками имперски настроенной части большевиков и военных Генштаба — вышибла её из страны. Объясняя

причины успеха СССР во Второй мировой войне, Черчилль заметил, что, в отличие, например, от той же Франции, в

СССР в канун войны была ликвидирована «пятая колонна». Да и с агентурой, добавлю я, как влияния, так и

нелегальной не церемонились, действуя «по законам военного времени и правилам поведения в прифронтовой

полосе».

История мировых войн показывает: у семейно-олигархических систем нет шансов победить. Да, они сдают «главных

начальников» или свергают их, рассчитывая откупиться их головами и продлить свой «пикник на обочине» Истории.

Напрасные надежды: они слетают вслед за «главным начальником». Первая мировая в России продемонстрировала это

со стеклянной ясностью, а ведь люди не меняются, их лишь квартирный (или бизнес- или какой-то иной) вопрос

портит. Этот урок Первой мировой, по контрасту с победным уроком Великой Отечественной, — «добрым молодцам

урок», если, конечно, они не идиоты (в греческом смысле этого слова: человек живет так, будто окружающего мира не

существует). Этот урок, как и священную память о наших павших на обеих войнах, мы должны помнить, воздавая

должное нашим героям Первой мировой и не позволяя никому принижать значение героев Великой Отечественной и

Победы — нашей Победы — в ней.

Мораль из всего сказанного выше: в психоисторической войне в целом и в информационной в частности, особенно в

такой сфере как история, не следует ждать, пока противник нанесёт удар, нужно бить первыми. Нам нужны свои

работы по истории событий, юбилеи которых приближаются, и вообще по истории России и — обязательно — по

истории Запада, с которым и в пользу которого сравнивают Россию. При этом в ходе сравнения у России выпячивается

негатив, а то ей и просто приписывается нечто, в реальности не существовавшее, а у Запада ретушируются тёмные

пятна. Вообще, нужно сказать, что умение табуировать неприятные для Запада темы и неприглядные преступные

страницы его истории — характерная черта западной культуры, в том числе и научной. Нельзя не согласиться с

английским историком Д. Ливеном, который в работе «Империя: Российская империя и её соперники» (английское

издание — 2000 г.) заметил, что в современной сравнительной истории и политологии господствует превращенная в

догму «странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления (self-congratulation), написанная в

немецкой манере».

Запад, прежде всего его англосаксонское ядро, превратил себя, своё уникальное историческое «я» в универсальное

мерило, на соответствие которому оценивается всё остальное.

Англосаксы вольны, подобно «Королю» и «Герцогу» из

«Приключений Гекльберри Финна», выделять любые кунштюки.

Наша задача и обязанность — не ловиться на них

и гнуть свою линию, прежде всего в психосфере. А потому мы должны писать не только свою историю, но и историю

Запада (и Востока, конечно) без ретуши. Нам необходима систематическая, наступательная и стратегически

выверенная работа в сфере «боев за историю» (Л. Февр), за прошлое — прежде всего своё, но и чужое тоже. Это

необходимое условие победы в битве за будущее.

Заключая, отмечу: большие войны не возникают случайно, они суть проекты. Противоположное могут утверждать

либо слабые умом люди, либо те, кто сознательно «наводит тень на плетень». Кто упорнее всех отрицает наличие

заговора? Ну конечно же заговорщики. И подпевающие им недоумки, «полезные идиоты». Мировая война, именуемая

первой, была проектом; разумеется, реализация пошла не так, как было запланировано, но в целом поставленные

задачи были решены — за исключением русского вопроса. В результате мировой войны 1914—1918 гг. возник/был

создан новый мир. В ней было почти полностью перемолото то из «цивилизации XIX века», что не удалось

перемолоть эволюционно в 1870—1900-е гг., в «эпоху империй», т.е. империализма — старого империализма.

Гераклит был прав: *«Война — отец всего»*, новое, как правило, рождается из крови и в крови. Всё, что накапливалось

десятилетиями, но сдерживалось разбалтывавшимися от давления скрепами европейской цивилизации XIX в., с

шумом, яростью и удивлением для самого себя, прорвалось войной и оказалось на свободе — смертельной свободе.

Получилось по Артюру Рембо («Пьяный корабль»; стихотворение написано в 1871 г., т.е. в год начала «водораздела»): Те, что мной управляли, попали впросак:

Их индейская меткость избрала мишенью,

Той порою, как я, без нужды в парусах,

Уходил, подчиняясь речному теченью.

Вслед за тем, как дала мне понять тишина,

Что уже экипажа не существовало,
Я, голландец, под грузом шелков и зерна,
В океан был отброшен порывами шквала.
С быстротою планеты, возникшей едва,
То ныряя на дно, то над бездной воспрянув,
Я летел, обгоняя полуострова,
По спиральям сменяющихся ураганов.

«Девять суток» гонки по морям и «под ними» стали для Запада и России девятью кругами преисподней, принципиально новым цивилизационным опытом, резко раздвинувшим европейские рамки и навсегда сделавшим

провинциальной Европу, отныне история решалась в иных измерениях. И опять Рембо — привет Шпенглеру из XIX

в.:

Если в воды Европы я всё же войду,

Ведь они мне покажутся лужей простою...

Из водоворота истории, которым стала мировая война 1914—1918 гг.,
Запад и мир вынырнули — им удалось. Но

вынырнули они совсем другими, по Н. Заболоцкому:

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!

Лишь именем одним я называюсь.

Это сохранение имени стало одним из факторов сокрытия тайны рождения мировой войны и её подготовки, а

следовательно, тайны рождения XX века. Тайну пытались тщательно скрыть, но, как известно, нет ничего тайного, что

не стало бы явным. Впрочем, проницательным современникам многое было понятно уже в начале века, но не всё и не

многим. Сегодня, когда время опять уплотняется и «хозяева мировой игры», как и сто лет назад, разрабатывают

различные планы такого выхода из «водораздела», начало которому положил 1971 г. (как мы помним, началом

предыдущего «водораздела» стал 1871 г.), включая военный, опыт анализа Первой мировой и рождения исторического

XX века может пригодиться для понимания рождения исторического XXI века: новые века рождаются в войнах. Войны

— это пик пересдачи Карт Истории, а в борьбе за будущее побеждает тот, кто ухватит козыри. Последнюю сотню лет

«хозяева мировой игры» стараются сдать козыри себе, и в целом у них получается. Впрочем, историческая Россия в

виде СССР дважды ломала планировщикам их игру. В 1991 г. они взяли реванш. Думаю, теперь наша очередь. Но воля

к борьбе должна опираться на знание — прежде всего знание тайн истории, которые «хозяева мировой игры» блюдут в

не меньшей степени, чем Кощей — секрет своей смерти. Собственно, эти тайны, их знание и есть ключ к этому

секрету. Надо помнить, однако, что знание обязывает к действию: бросок должен завершаться болевым приёмом.

Document Outline

- [Фурсов А.И.](#)
- [Великая война. Тайна рождения XX века](#)
- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)